

Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии

**Материалы
XIX Научно-практической конференции
Санкт-Петербург. 21 ноября 2021 года**

И. Воронин

**И. Л. Солоневич как писатель первой волны русской
эмиграции**

3

Н. Кузнецов

**Эволюция образа Ивана Солоневича в эмигрантской печати
(на примере газеты «Новое Русское Слово»**

20

А. Сорокин

Иван Солоневич – русский империалист

30

И. Стефанчиков, Т. Давыдов

**И. Л. Солоневич и иностранные языки:
(авто)биографический и лингвистический аспекты**

42

Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XIX Научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 21 ноября 2021 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Редакция газеты «Монархист». – 2022. – 69 с. Тираж 50 экз.

*И. П. Воронин, заместитель редактора газеты
«Монархист» (Санкт-Петербург)*

И. Л. Солоневич как писатель первой волны русской эмиграции

Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953) больше известен как публицист. Даже его самый известный капитальный труд «Народная монархия» при том, что может быть охарактеризован как историософский, написан публицистическим языком. Но это в принципе характерно для русской консервативной мысли. Смеем предположить, что именно яркость публицистического стиля затмила писательский талант И. Л. Солоневича и в некотором смысле даже навредила его литературной славе.

Так, например, В. Казак, немецкий литературовед-славист, автор «Энциклопедического словаря русской литературы с 1917 года» [1] не включил И. Л. Солоневича в число литераторов Русского Зарубежья. По всей видимости, из-за политических воззрений писателя. Очевидно, что по этой же причине в словаре В. Казака не упоминаются Б. Башилов, М. Каратеев, П. Н. Краснов, И. Лукаш, А. Несмелов, И. Савин, то есть авторы, придерживавшиеся монархических или – шире – православно-патриотических взглядов.

Однако не все исследователи придерживались «партийной» идеологии. Либерал Г. П. Струве в своей монографии «Русская литература в изгнании» [2] уделяет Солоневичу должное внимание, хотя иногда его характеристики носят и уничижительный характер.

В справочнике «Писатели Русского Зарубежья (1918-1940)» [3] Солоневичу также посвящена целая статья.

Как известно, в 1936 году И. Л. Солоневич начал издавать в Софии еженедельную газету «Голос России», в ней была «Литературная страница», где публиковались воспоминания не только членов семьи Солоневичей, но и других беглецов из СССР. В 1938 году в редакции произошел взрыв, организованный совет-

скими спецслужбами. Погибли жена И. Л. Солоневича Тамара Владимировна и секретарь редакции студент Н. П. Михайлов.

История русского рассеяния традиционно делится на периоды таким образом: первая волна эмиграции – после 1917 года и Гражданской войны, вторая – после Второй Мировой и третья – уже в 1960-1970-е гг. И. Л. Солоневич бежал за границу в 1930-х и сам себя иногда называл представителем второй волны – до тех пор пока этот термин окончательно не закрепился за «диппийцами», то есть выходцами из лагерей для перемещенных лиц на оккупированных союзниками – членами антигитлеровской коалиции территориях. По канонам нынешней историографии все, кто покинул СССР до 1940 года, относятся к первой волне эмиграции, термин «полуторная волна», который иногда применяют к перебежчикам 1920-1930-х гг., нельзя признать научным.

До появления «Архипелага ГУЛаг» А. И. Солженицына именно книга И. Л. Солоневича «Россия в концлагере» была главным свидетельством миру о том, что происходит в «стране Советов». При этом сообщений о советских лагерях было немало и в газетных публикациях, и в отдельных книгах.

Но «Россия в концлагере» стала популярной не только как образчик «лагерной прозы». Хотя эпизоды жизни в Белбалтлаге и, главное, побега из него составляют важную часть произведения. Но приключенческая часть – это только одна грань повествования. Е. Г. Сойни отмечает: «В жанровом отношении произведение Ивана Солоневича сложно, но тем и интересно. Сам автор называют свою книгу очерком. С этим можно согласиться, но только данное произведение – очерк, скорее всего, в другом более широком смысле. Под очерком обыкновенно понимается такой текст, в котором практически нет конкретных описаний, тем более повествований. В очерке в классическом понимании этого жанра семантическим ядром понятия является текст, где преобладает отвлеченная лексика. В таком классическом очерке всегда есть установка на типичность, закономерность в прямом указании на них. В этом смысле в «России в концлагере», несомненно, есть такие главки». [4]

По мнению Е. Г. Сойни, «цепочка рассказов-повествований, рассказы о разных случаях в лагерной преимущественно жизни главных героев становится своеобразной основой – повестью о

том, как главный герой и его сын, его брат попадают в лагерь, как они готовятся к побегу, бегут и, наконец, оказываются в «земле обетованной». Поэтому «Россию в концлагере» можно назвать очерком в том смысле, в каком Н. С. Лесков называет очерком «Леди Макбет Мценского уезда». В центре произведения Солоневича – приключенческая занимательная повесть об удачно совершенном побеге из лагеря, но публицистические политические отступления в виде очерков придают книге особое индивидуальное своеобразие». [5]

«Россия в концлагере» печаталась с продолжением в редактируемой П. Н. Милуковым газете «Последние Новости». С 20 января 1935 года по 22 марта 1936-го (№№ 5050-5477) вышло 118 очерков. «Позже Милуков признавался, что по средам и субботам, когда шла фельетонами книга Ивана, тираж газеты поднимался на 7–8.000 экземпляров», - свидетельствовал Б. Л. Солоневич. [6]

Представитель левого крыла эмиграции и постоянный автор «Последних Новостей» Е. Д. Кускова вскоре станет объектом полемики И. Л. Солоневича, и эта полемика продлится долгие годы. Но сейчас она подтверждает читательский интерес к «России в концлагере»: «Давно уже зарубежье не читало с таким пристальным вниманием свидетельские показания о сов. России, как недавно, – четы Чернавиных, а сейчас – г. Солоневича. Люди ждут среды и воскресенья, – фельетонов г. Солоневича: что еще нарисует он, какой новый узор покажет, узор, сотканный из событий на родине...». [7]

Часто сопровождавшие публикацию отзывы были сравнением с другими авторами – и всегда в пользу И. Л. Солоневича. Так, А. Льдов в просоветском издании «Наш Союз» писал: «Возможно, что в сложной связи с толстовским юбилеем, но, скорее всего, без всякой с ним и чем бы то ни было связи, в журнале напечатаны «Отрывки воспоминаний» А. Толстой с заманчивым для любителей детективных романов подзаголовком «В концентрационном лагере». Мы не будем разбирать их подробно. Этот сорт деятельности контр-революционных летописцев гораздо ярче воплощен в творчестве знаменитого по «Последним Новостям» Солоневича и заслуживает самостоятельного всестороннего изучения. А. Толстая невыгодно отли-

чается от Солоневича меньшей сенсационностью своих разоблачений и решительно уступает ему в красочности стиля и богатстве воображения. Кроме того, ее «Воспоминания» и менее современны, так как относятся к самым первым годам советской власти. [8]

П. Н. Милюков отмечал: «Сравнительно с только что закончившимся циклом статей И. Л. Солоневича записки нашего нового сотрудника (А. П. Петрова, беженца из СССР – И. В.) представляют полный контраст. Они не блещут таким выдающимся литературным талантом, зато вводят нас в самую гущу советской жизни, по отношению к которой, даже подходя к ней вплотную, его предшественник оставался чуждым. <...>

С присущим ему художественным талантом И.Л. Солоневич рассказал нам о той щемящей боли, которую испытал, только что перейдя границу измучившей его советской России. А он был, как говорили прежде, «внутренний эмигрант», и вернулся к «своим», когда в России ему уже было нечего делать». [9]

Отзывы из правых кругов Русского Зарубежья было настолько многочисленны, что из них можно было бы составить отдельную монографию. Ограничимся определением издателя журнала «Часовой» В. В. Орехова – «талантливейший из советских бытоописателей Солоневич». [10] И добавим, что среди тех, кто положительно относился к «России в концлагере», можно назвать немало известных людей, и не только из мира литературы. Это И. А. Бунин, М. А. Алданов, Великий Князь Димитрий Павлович, В. А. Маклаков, И. И. Бунаков-Фондаминский, И. И. Сикорский, гр. А. Л. Толстая, гр. Г. Кейзерлинг; и даже нацистские лидеры Й. Геббельс и Г. Геринг.

На русском языке книга издается до сих пор, всего на данный момент было уже 14 изданий, 8 из них – в современной России. «Россию в концлагере» на рубеже веков даже рекомендовали включить в список внеклассного чтения для школьников, но эту инициативу чиновники от образования не поддержали.

Переходим к иностранным изданиям книги. Первое отдельное издание «России в концлагере», хотя и было подготовлено русскими эмигрантами, но состоялось на чешском языке (Soloněvič I. Rusko za mřížemi / přel. L. Ptáček. Praha: I. L.

Soloněvič v komisi redakce Praporu Ruska 1936. 333 s. 1. vyd.). В 1936 году вышли еще два издания (по сути, допечатавали тираж, но по выходным данным это три разных издания).

Следующей страной после Чехословакии стала национал-социалистическая Германия. 27 апреля 1937 года в газете И. Л. Солоневича «Голос России» публикуется сообщение о подготовке издания «России в концлагере» на немецком языке под названием «Потерянные» в переводе «штабс-капитана» И. П. Слободяника. Оформлением обложки занимался Юрий Солоневич, сын автора. Через две недели книга вышла из печати. (Solonewitsch I. Die Verlorenen. Eine chronik namenlosen leidens. Essen. Essener Verlagsanstalt, 1937). Первая часть называлась *Russland im Zwangsarbeitslager*, 1933, вторая – *Flucht aus dem Sowjetparadies*, 1934. Общий объем двухтомника составил более 800 страниц. Полное название: «Потерянные: хроника безымянного страдания». Подзаголовок первого тома – «Россия в концлагере», второго – «Бегство из советского рая».

В том же 1937 году вышло голландское издание. Название в обратном переводе на русский: «Пролетарский» рай: Россия в концлагере» (Solonewitsj, I. L. Het ``proletarische`` paradijs Rusland één concentratiekamp. Geautoriseerde vertaling uit het Russisch door E. de Firsoff. Den Haag. W.P.Van Stockum & Zn., 1937. 291 s.).

Далее последовали переводы на хорватский, английский (британское и отдельно американское издания), польский, японский, итальянский, датский, японский, исландский языки. Готовились издания на сербском, словацком, венгерском и испанском, но по разным причинам они не состоялись. Главная причина – начало Второй Мировой войны. Суммарный тираж иностранных изданий, по свидетельству самого И. Л. Солоневича, составил около 300 тысяч экземпляров, причем это данные на лето 1939 года, [11] а были и более поздние издания. При этом объем трех состоявшихся на тот момент русских изданий он оценивает в 6 тысяч экземпляров.

Наибольший успех «Россия в концлагере» имела в Германии. В том числе и благодаря Й. Геббельсу, который 1 июля 1937 года записал в своем дневнике: «Читаю ужасающую книгу о России. «Потерянные» Солоневича. Фюрер тоже заинтересо-

вался ею. Следующий день в жизни <нашей> партии будет опять посвящен борьбе с большевизмом». [12]

Однако немецкие газеты публиковали восторженные рецензии еще до того, как поступило руководящее указание рекламировать книгу. Некоторые из этих отзывов И. Л. Солоневич воспринял в «Голосе России».

«До сих пор вышла масса антисоветских книг, мы читали их просто килограммами, – писала Westdeutscher Beobachter 19 июня 1937-го. – И, по совести говоря, при чтении большинства этих книг никак нельзя было освободиться от ощущения, что все они тенденциозны. Конечно, в политической жизни тенденция необходима, но когда дело касается чужих народов, она не всегда оказывается убедительной. Совсем иначе обстоит дело с автором “Die Verlorenen”. Он дает совершенно трезвый отчет о виденном и пережитом. И нужно вчитаться в этот отчет, который волнует и потрясает душу. Когда читаешь Солоневича кажется, что слушаешь пророка. То, что он предсказывает в своем произведении, стало уже реальностью в последние дни. И дальше будет так, как предсказывает автор этой замечательной книги: Россия восстанет против теперешних властителей и уничтожит их... Эта книга должна стать народным достоянием. Особенно рекомендуем также прочесть эту книгу Лиге Наций». [13]

Munchener Zeitung от 15 июня 1937 года: «Эта книга выделяется среди всех тех, которые были написаны о революции и о бесконечных мучениях русского народа. Книга эта превзошла по оставляемому ею впечатлению «Записки из мертвого дома» Достоевского. И когда ее прочтешь и выпустишь из рук, тебя охватывает такое чувство, как будто бы в этой стране большевицкого произвола и жестокости все человеческое является только мечтой». [14]

Важно отметить, что параллели с Достоевским проводили не только немецкие рецензенты. Так, именно название «Записки из мертвого дома» стало заглавием статьи в английском журнале The Spectator русского эмигранта И. Виноградова. «Он (Солоневич – И. В.) не привилегированный визитер или иностранный корреспондент, которому показали фасад и позволили посмотреть сквозь щелочку на тяжелый интерьер. Иван Солоневич

бежал из России в 1934 году, после проведенных пятнадцати лет на службе Советской власти (...) Никакой иностранец не мог бы это все увидеть и пережить. (...) Надо сказать, что г. Солоневич пристрастен. Конечно, это так, если пристрастие означает осуждать неоправданный и невыносимый режим. (...)

Пусть никто не думает, что книга написана ради сенсации или дешевого эффекта. Она слишком основательна, слишком детализирована, слишком сдержанно составлена для этого. Некоторые ее части чрезвычайно забавны. Здесь нет риторического отступа. Есть только факты, изложенные с красноречием человека таланта, характера и чувства. У меня здесь нет места, чтобы отдать должное г. Солоневичу или его книге. Всякий, кто хочет составить честное мнение об СССР, должен прочитать ее сам». [15]

Безусловного внимания заслуживает отзыв немецкого философа гр. Г. Кейзерлинга.

«Теперь есть книга о России, которую всякий, обладающий неомертвелой душой, должен читать столь часто и долго, пока не пропитается ею насквозь: это работа Солоневича "Потерянные. Хроника безымянного страдания" (Эссенское издательство, два тонких тома), - пишет Кейзерлинг. – На современное сознание, которому выпало испытать гораздо более сатанинские явления, нежели когда-либо прежде, эта книга способна оказать благотворное воздействие, подобное тому, которое на протяжении предыдущих тысячелетий оказывала Книга Иова. Солоневич сам по себе, конечно же, не ангел; он и сам играл в большевистской реальности немалую - хоть никогда она и не бывала политической или кровавой – роль, и на первый взгляд книга его кажется столь же нечестивой, как и прочие порождения большевизма. Но уже сама очевидность ультра-сатанизма действует очищающе как на автора, так и на каждого из нас (...)

Солоневич описывает зверства "белой смерти" рабов на Белом море столь чётко, как никто иной до него, и описание это столь кристально именно потому, что автор как бы не видит в этих зверствах «ничего особенного». Читателю становится ясным многое из того, чего он раньше не понимал. Прежде всего, гнев Сталина: в России не так, чтобы несколько сотен тысяч волков управляли миллионами миллионов овец, о нет: боль-

шинство этих овец сами сделались волками. Редко найдётся комиссар или чекист, осмелившийся выйти из-под надзора вдали от больших городов, который не был бы немедленно растерзан словно бешеными зверьми. Сталин и его последователи просто борются за собственное выживание, подобно волкам в окружении других волков. Затем Солоневич позволяет нам лучше, чем ранее, понять, в какой мере Россия способна переживать это ужасное время без каких-либо признаков существенного ослабления: это происходит не благодаря какой-то мифической способности русского народа страдать, но, прежде всего, от того, что под давлением неслыханных страданий и постоянной опасности человеческий интеллект и сила воли неожиданно возрастают. Несмотря на все недостатки образования, интеллектуальные и общие психологические качества выживших оказываются в сотни раз выше, чем когда-либо в России. [16]

В вольном пересказе И. Л. Солоневича, который этот отзыв очень ценил и даже встретился с философом лично, последняя фраза прозвучала следующим образом: «Известный немецкий мыслитель граф Кайзерлинг, вычитал в моей книге то самое важное, что не вычитали наши растяпы: «русские, которые переживут сегодняшний ад, будут в сто раз сильнее и в сто раз интеллигентнее, чем их довоенные компатриоты». [17]

Были и негативные рецензии. В качестве примеров можно привести такие.

«Издатели г. Солоневича, – пишет шотландский рецензент, – считают, что его книга – это «уникальная антисоветская литература». А чем она уникальна, не особенно понятно, ведь г. Солоневич не первый русский, который был сослан в Арктический концентрационный лагерь и бежал за границу, чтобы об этом написать книгу.

Может быть, книга и была бы такой уникальной, если бы это было, как говорят издатели (на суперобложке), «самое страшное проклятие советскому режиму, которое когда-либо было написано». Трудно превозмочь книги г. Евгена Лайонса (...)

Но несмотря на то что это, может быть, не одна из самых выдающихся книг о России, «Россия в цепях» имеет свою ценность. Никак нельзя опровергнуть ее достоверность и невоз-

можно, чтобы на вас не подействовали описания г. Солоневича жизни в концентрационном лагере, где узники и охрана одинаковые жертвы зверской системы, которая проклята сама по себе. [18]

«Эта книга достойна того, чтобы ее прочесть, – утверждает обозреватель влиятельного британского журнала The Economist, – как и многие антисоветские книги последних двенадцати месяцев, и без сомнения будет покупаться. Г. Солоневич ненавидит коммунизм, партию, всех советских чиновников, Красную армию, ГПУ, активистов, стахановцев и, между прочим, всех и все, что связано с Советским Союзом.

По его мнению, все советские люди каждый день надеются, что придет великий день кровавого отмщения за жертвы, которые были принесены при строительстве этого рая для сумасшедших. (...) Мы должны усвоить этот урок, но мы еще не полностью убеждены. (...)

В рассказах г. Солоневича нет чувства исторической перспективы, и в немалой части того, что он описывает, нет логики. Автор никак не может считать себя беспристрастным, и злоба и отрицательное отношение ко всему видны во всех его суждениях. В Советском Союзе, может быть, и есть такие ужасы, которые он описывает, но есть и глубокая признательность современной России за все великие и гениальные достижения. [19]

Водораздел между критиками И. Л. Солоневича на западном берегу прошел так: одни – сомневаются, другие – верят. Сомневающиеся критикуют, верящие – хвалят.

Один из тех, кто написал хвалебный очерк – Б. К. Морган из Стэнфордского университета (США). Он склонен доверять автору «России в концлагере». «Заявления писателя, – считает рецензент, – производят впечатление искренности и правдивости, и хотя, с одной стороны, они подтверждают картину советской техники и теории, изложенную в книге Двингера «И Бог молчит», которую я недавно рассмотрел на этих страницах, они открывают гораздо более обширную территорию и представляет еще более ужасающую перспективу неизбежности массовых убийств, жестокости и варварства. Я не компетентен в этой области, но у меня есть четкое ощущение, что эта книга и ее продолжение станут одним из незаменимых

документов для студентов, изучающих русский эксперимент. [20]

New York Journal от 18 апреля 1938 года писал, что в книге Солоневича советский ад был показан «временами с силой Льва Толстого или Виктора Гюго». [21]

Итак, публицист И. Л. Солоневич удостоился сравнений с такими корифеями мировой литературы, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и В. Гюго. Есть основания полагать, что из разряда журналистов его все-таки можно перевести в разряд писателей. Со своим, в основе своей публицистическим стилем, но все-таки литературным, самобытным.

Восторженных отзывов о «России в концлагере» было все-таки больше, однако, в отличие от Великобритании, в США вторая часть «России в концлагере» не издавалась.

Автобиографическая проза, безусловно, удавалась И. Л. Солоневичу как писателю лучше всего. Тому пример сборник «Памир», который издательство «Голос России» выпустило дважды, сначала в 1937 году, потом в 1938-м. В него вошли: одноименное произведение, очерк «В деревне», «Роман во Дворце труда» и повести «Морские волчицы» и «Открыватели новых земель».

Отметим, что очерк «Памир» впервые был опубликован на страницах журнала «Иллюстрированная Россия» еще в октябре 1935 г. под названием «По Средней Азии на автомобиле». [22] А первая публикация рассказа «В деревне» состоялась в «Современных Записках». [23]

Критика встретила «Памир» доброжелательно, но не более того.

«Новая книга И. Л. Солоневича не нуждается, собственно говоря, в отзыве, – писал в номере от 5 декабря журнал «Часовой». – Имя автора «России в концлагере» лучше любых отзывов возбуждает внимание читателя, и «Памиру» можно предсказать тот же заслуженный успех.

Содержание книги отчасти уже известно читателям руководимого И. Л. Солоневичем еженедельника – судьба той русской молодежи, о которой он рассказывает в двух «советских зарисовках», составляющих часть содержания «Памира», уже была написана в «Голосе России» – но сведенные в книгу отрывки

производят цельное и еще более потрясающее впечатление. В остальных «зарисовках» И. Л. Солоневич изображает положение «колхозной» деревни и «внутреннюю эмиграцию» русских людей, уходящих от советской власти на далекие окраины – на Памир, в Сибирскую тайгу и т. д.

Вся книга написана с присущим автору изобразительным мастерством. Это мастерство покоряет читателя даже тогда, когда в тех или иных мнениях и оценках он расходится с И. Л. Солоневичем. Тот, кто откроет «Памир», прочтет его, не отрываясь, до конца». [24]

Сборник «Памир» завершает автобиографический литературный цикл творчества И. Л. Солоневича. Повесть «Роман во Дворце Труда» была переиздана отдельно в 1953 г.

После войны И. Л. Солоневич написал художественные произведения, которые никак нельзя отнести к разряду автобиографических. Это неоконченный роман «Две силы» и русская сказка «Хозяева».

В романе «Две силы» И. Л. Солоневич еще пытается опереться на свои воспоминания, но прошло почти 20 лет – и связь утеряна. Когда он изображает своих героев – Степку или Дубина – людей, десятилетиями не выходящих из тайги – это правдоподобно. А вот образы чекистов «застревают» в середине 1930-х.

Канва романа перекликается с солженицынским «В круге первом», но проводить прямые параллели с литературоведческой точки зрения, наверное, не оправданно. Секрет атомной бомбы и сотрудничество с американцами, конечно, объединяют. Но у Солженицына – место действия Москва, а у Солоневича – сибирская тайга со всеми ее прелестями. И главный герой интеллигент Светлов, который пытается передать секреты советского атомного оружия американцам, уступает сцену таежнику Степке.

История написания романа такова. В 1948 году И. Л. Солоневич из английской оккупационной зоны Германии переехал в Аргентину, где начал издавать монархическую газету «Наша Страна»

Когда готовился первый выпуск газеты, возникли проблемы с материалами для него. Сын И. Л. Солоневича Юра вспомнил о

романе отца «Две силы», с главным героем – сибирским золотоискателем Степкой. Иван начал писать роман еще в нацистской Германии, в оправдание стука пишущей машинки, когда политическая журналистика ему была запрещена, а гестапо за этим следило регулярно.

«Говоря короче и откровеннее, «Степка» был задуман как совершенно откровенная халтура, и когда мы с сыном, - вспоминал И. Л. Солоневич, - начинали в Буэнос-Айресе «Нашу Страну», а ни материалов, ни сотрудников не было еще никаких, Юрий Иванович предложил начать печатание «Степки» – готовой рукописи было номеров на десять. Я счел это предложение кощунственным. Возникла некоторая дискуссия, в результате которой литературная жизнь «Степки» была Юрием Ивановичем спасена». [25]

В том, что автор романа «Две силы» именно он, Иван Солоневич признался только через три года, когда большинство читателей об этом уже и сами догадались. Но с самого начала – и до самого конца (не конца романа, а кончины автора) – «Степку» Солоневич публиковал в газете под псевдонимом «Глеб Томилин».

Роман давался И. Л. Солоневичу с каждым годом все тяжелее. Его мучили бытовые проблемы, хотелось писать на актуальные политические темы для газеты. Но он не прекращал «Степку» по двум причинам. Во-первых, это была завуалированная антисоветская пропаганда. А во-вторых, многие подписчики держались за газету ради того, чтобы прочитать продолжение «Двух сил».

Это художественное произведение автор не успел закончить. Более чем через 10 лет после его смерти издательство журнала «Свободное слово Карпатской Руси» обратилось к его младшему брату Б. Л. Солоневичу с просьбой дописать концовку. Двухтомник вышел в 1968-м. Работа Бориса Солоневича была встречена неоднозначно: в наше время, после переиздания книги на Родине, известный критик Владимир Рудинский (наст. имя Д. Ф. Петров) писал: «Окончание, приделанное к роману братом писателя, Борисом Солоневичем, к сожалению, безнадежно слабее остального». [26]

До войны И. Л. Солоневич, представляя будущую, освобожденную от коммунистов, Россию, видел себя в ней редактором ведущего политического издания. После Второй мировой идеал выглядел так: домик на Оке, удочка и писательский труд. Это была его последняя, несбывшаяся, мечта.

«Настоящей» литературой, считал он, можно заниматься только на родной земле.

«Две силы» есть **две силы**: добра и зла – силы, которые в СССР выражены с предельной ясностью и отделены предельной ненавистью, – делился Солоневич сокровенным с читателями. – В чисто литературном смысле «Россия в концлагере» написана гораздо лучше: были иные условия. Я, в частности, пишу и стихи – не хуже других. Но не помещаю. Это – в утешение тем поэтам, стихи которых тоже не помещают в газете. Однако лучшее, что я до сих пор в своей жизни написал, – это русские сказки. Самое уютное и самое лучшее. И когда-нибудь – рано или поздно – я их все-таки издам». [27]

Стихов Солоневич в самом деле не публиковал, и в сохранившейся части его архива их обнаружено не было. Но обещание насчет сказок он сдержал: брошюра «Хозяева» вышла в издательстве «Наша Страна» в 1952 году тиражом в тысячу экземпляров. Обложку (цветную, вручную, на аэрографе) сделал его сын Юрий.

Иван, Марья, Домовой, пес Барбоска, кот Васька, лошади, куры и прочие персонажи деревенской жизни – главные герои сказки, в которой каждый обитатель дома считает себя главным. До тех пор, пока, объединившись, они не дают отпор чужаку. Несколько раз уже не в меру политизированный И. Л. Солоневич все-таки со сказочных рельс соскочил: упомянул и социалистическую кузькину мать и какие-то всемирные конференции. Можно сказать, что вышел за рамки жанра.

Не зря газета «Новое Слово» (выходила также в Буэнос-Айресе) отметила: «Эта поучительная и ценная история для детей старше сорока лет. Эту книжку с интересом прочтут многочисленные читатели, начиная с внуков и кончая дедушками». [28]

И. Л. Солоневич, безусловно, мог стать большим писателем. Это отмечали и его современники (даже ярые антагонисты

признавали его писательское дарование), и сегодня подтверждают исследователи его творчества. Побег из СССР – покушение – война – вновь эмиграция, уже в Южную Америку, потом из Аргентины в Уругвай. Условия для литературного труда не очень хорошие. На протяжении всего его творчества публицистика и литература словно борются между собой за него. И сам И. Л. Солоневич, кажется, так и не сделал окончательного выбора. Он откладывал его до возвращения в Россию.

«Очерки и статьи Солоневича художественны и публицистичны одновременно, – пишет Е. Г. Сойни. – Они достоверны, в них точно изображаются события, перечисляются факты и даты. Но отбор фактов, эмоциональный накал, литературные приемы, метафоры, тропы, образные эпитеты позволяют говорить о принадлежности очерков и статей писателя также и к художественному повествованию. [29]

И. Н. Владимиров, описывая литературные достоинства текстов И. Л. Солоневича, вспоминает строки из пушкинских «Цыган»:

Имел он песен дивный дар

И голос шуму вод подобный.

«Эти слова нашего родного поэта, – пишет Владимиров, – как нельзя лучше подходят к творческому дару И. Л. Его труды это – подлинная песнь, обращенная к Родине, русская дивная песнь, то грустно тягучая, то торжественно могучая, песнь посвященная самому дорогому, что было в жизни этого человека – Русской Монархии. И если из нас, вероятно, почти никто не слышал голоса И. Л. в реальности, то будучи передан в печати его неподражаемым живым языком, он доходит до нас почти столь же ясно, как звук, и из талантливых строк его мы то слышим его смех, его иронию, чувствуем его широкую русскую улыбку, то переживаем с ним его задумчивость о красе родной страны, то, наконец, проникаемся его суровым и справедливым гневом по адресу виновников русского горя». [30]

И далее: «Иван Лукьянович не был мечтательным поэтом, витающим в сферах несуществующих миров, ни прозаиком, смотрящим на жизнь лишь с обыденной обывательской ярмарочной вертушки. Он был просто здравомыслящим человеком, подходившим ко всем вопросам реально и прежде всего с точки

зрения русского патриота и монархиста, и, конечно, православного верующего человека. Это не значит, что И. Л. вовсе был чужд поэтическому настроению и хотя и в прозе, но умел иногда так задушевно коснуться вопроса, с такой выразительностью передать боль за поработленную Родину, что у читателя возникало переживание и эстетическое и нежносентиментальное, а подчас и глубокое душевное страдание». [31]

Вышеприведенные апологетические строки больше относятся к публицистике И. Л. Солоневича, к его газетным статьям, но, конечно, применимы и к литературным произведениям.

М. Б. Смолин, под редакцией которого в современной России было подготовлено более десяти изданий книг И. Л. Солоневича, подчеркивает: «Лишенная сухой схематичности, демонстративной системности и других «научных» атрибутов, писательская манера Ивана Солоневича своеобразна и рационалистична. Его книги и статьи ценны в первую очередь точными слепами с социальной психологии социалистических, национал-социалистических и просто демократических обществ, которые он знал изнутри, живя в них, их «микротомией социальной ткани», и только потом – их анализом. В своем писательстве он констатировал лично увиденное и лично пережитое». [32]

И, наконец, Е. Г. Сойни так характеризует образ Солоневича-писателя: «он всегда оставался русским писателем, точнее поэтом в прозе». [33] Очень точная и емкая характеристика.

Примечания

[1] Лондон: ОРІ, 1988. – 922 с.

[2] 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.

[3] Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 262-266.

[4] Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 103.

[5] Сойни Е. Г. Указ. соч. – С. 103-104.

- [6] Солоневич Б. Л. Наш дядя Ваня // Наша Страна. – 1953. – 23 мая; № 175.
- [7] (Кускова Ек. 18 лет – не долготерпение? // Последние новости. – 1935. – 26 апреля.
- [8] Льдов А. «Современные записки» кн. 59 // Наш Союз. – 1936. – № 1. – С. 13–16.
- [9] Милуков П. Наш новый сотрудник // Последние новости. – 1936. – 19 апреля.
- [10] Орехов В. Логика событий // Часовой. 1936. – № 162 (15 января). – С. 2.
- [11] Цит. по: Солоневич. И. Л. Пути, ошибки и итоги // Белая империя. Статьи 1936–1940 гг. М.: Москва. С. 297.
- [12] Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923–1941. K. G. Saur, München, 1997–2005. Bd. 4. S. 206. Перевод Н. А. Першина.
- [13] Цит. по: О книге Ивана Лукьяновича // Голос России. – 1937. – №58; № 3 августа.
- [14] Там же.
- [15] Igor Vinogradoff. The House of the Dead // The Spectator. 1938. 1 April, pp. 30, 32. Перевод И. О. Федоровой.
- [16] Das Erbe der Schule der Weisheit. 27. Heft. Der Weg zur Vollenendung – 1938. Bücherschau *Solonewitsch Die Verlorenen*. Перевод Н. А. Першина.
- [17] Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Белая Империя. – М: Москва, 1997. – С. 285.
- [18] Prisoner of the OGPU // The Glasgo Herald. Mar 10, 1938. Перевод И. О. Федоровой.
- [19] The Price of Revolution // The Economist. 1938. Febr. 26. Vol. 130. Iss. 4931. P. 445. Перевод И. О. Федоровой.
- [20] Bayard Q. Morgan, Stanford University. Iwan Solonewitsch. Die Verlorenen. Erster Teil // Books Abroad. Vol. 12. No 1. Winter, 1938. pp. 82-83. Published by University of Oklahoma. Перевод И. О. Федоровой.
- [21] Цит. по: Солоневич И. Л. Восемь лет // Наша Страна. Буэнос-Айрес. – 1948. – № 1.
- [22] Солоневич. И. По Средней Азии на автомобиле // Иллюстрированная Россия. 1935. №№ 41-43.
- [23] Солоневич И. В деревне // Современные записки. – 1935. – № 58. – С. 274-309.
- [24] -ский. «Памир». Советские зарисовки. Ив. Солоневич <рецензия> // Часовой. – 1937. – № 201. – С. 18.
- [25] Солоневич И. Биография Степки // Наша Страна. – 1951. – № 94; 3 ноября.

- [26] Рудинский В. Иван Солоневич. «Две силы» (Москва, 2002) // Наша Страна. - 2012. - 19 октября; № 2719-2720.
- [27] Солоневич И. Биография Степки // Наша Страна. – 1951. – № 94; 3 ноября.
- [28] Заметка 1952 года. Цит. по: Наша Страна. 1990. 9 июня; № 2079.
- [29] Сойни Е. Г. Указ. соч. С. 34).
- [30] Владимиров И. «Голос шуму волн подобный» (Памяти И. Л. Солоневича) // Наша Страна. – 1958. – 24 апреля; № 431.
- [31] Там же.
- [32] Смолин М. Б. Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. – С. 17.
- [33] Сойни Е. Г. Указ. соч. С. 199.

Н. В. Кузнецовъ, аспирантъ Института исторіи Санкт-Петербургскаго государственнаго университета, преподаватель РАНХиГС

Эволюція образа Ивана Солоневича въ эмигрантской печати (на примѣрѣ *Новаго Русскаго Слова*)

Всѣмъ намъ извѣстно, какое вліяніе на насъ имѣютъ различные средства массовой информации, насколько они вліятельны при формированіи нашего мнѣнія о происходящемъ вокругъ. Газеты всегда, и особенно ярко это показала дѣятельность Джозефа Пулитцера и Уильяма Хёрста [см., напр. Кузнецов, 2017; Кузнецов, 2018], стремились овладѣть мыслями своего читателя, закладывая въ нихъ нужные редакторамъ образы. Особенно на этомъ пути проявляли себя газеты политической направленности.

Русская Эмиграція изначально была средой политизированной, что обуславливалось самими причинами Русскаго Исхода и предшествующихъ послѣднему годамъ. При этомъ, лишённая однозначнаго политическаго единства среда порождала раздробленность мнѣній и печатнаго слова и, какъ слѣдствіе, многообразіе оцѣнокъ и образовъ. Любая фигура, достаточно крупная въ эмигрантской средѣ, сразу же обрастала наслоеніями чернилъ, обильно облекающихъ её неутомимыми типографскими станками, то клеймящими враговъ, то превозносящими героевъ. Столь неоднозначный и одарѣнный человекъ, какъ Иванъ Лукьяновичъ Солоневичъ, не могъ не избѣжать сей участи, которой, правда, и самъ подвергалъ многихъ.

Эмиграція восторженно встрѣтила новость о томъ, что изъ Совѣтскаго Союза былъ совершёнъ столь дерзкій побѣгъ. На страницахъ *Новаго Русскаго Слова* объ этомъ отозвались уже 6 октября 1934 г., спустя три мѣсяца послѣ побѣга [Чернавина, 1934]. Уже въ этой статьѣ замѣтны особенности воспріятія братьевъ Солоневичей и преподнесенія информации о нихъ. Иванъ

и Борисъ вырисовываются въ этой статьѣ какъ подсовѣтскіе люди, ставшіе врагами совѣтовъ только послѣ репрессій, но не по какимъ-либо возвышеннымъ причинамъ. Этотъ мотивъ будетъ появляться и впредь. Помимо этого видна и поспѣшность не только сужденій, но и самой работы газеты – и здѣсь, и во многихъ другихъ статьяхъ за всѣ 19 лѣтъ жизни Ивана Солоневича внѣ СССР, немало фактическихъ ошибокъ, вызванныхъ исключительно спѣшкой.

Первыя реакціи на работы Ивана и Бориса Солоневичей были восторженными [Трубниковъ, 1935; Трубниковъ, 1937]. Эмиграція получила свѣжія темы для осмысленія, увидѣла новыхъ яркихъ авторовъ, которые прямо горѣли идеей борьбы съ большевизмомъ. Но затѣмъ отношенія испортились. Всеобщее ликоваіе по бѣглецамъ подтачивалось какъ нетерпимостью самого Солоневича, такъ и реакціей на его дѣятельность. Въ частности, уже въ маѣ 1937 г. младороссы открыто на страницахъ *Новаго Русскаго Слова* нападаютъ на Солоневича и его газету, что было вызвано обвиненіями со стороны Ивана Лукьяновича въ адресъ ихъ движенія, въ которомъ Солоневичъ видѣлъ соглашателей съ большевиками [Младороссы г. Нью-Йорка, 1937].

3 февраля 1938 г. въ домѣ-редакціи Солоневича въ Софіи прогремѣлъ взрывъ. *Новое Русское Слово* сразу же стало реагировать на эти событія, опубликовавъ съ 4 по 24 февраля 1938 г. 8 статей, посвященныхъ вопросу покушенія, гибели Тамары Солоневичъ и ея похоронъ. И въ первыхъ замѣткахъ проявляется та же черта: вынужденная поспѣшность словъ (путали имена братьевъ, обстоятельства терракта [*Бомба въ посылкѣ Б. Солоневича*, 1938]) приводила къ поспѣшности выводовъ и, какъ слѣдствіе, къ поспѣшности мнѣній.

Однако, это былъ самый апологетическій этапъ въ освѣщеніи дѣятельности Солоневича. Даже у его ярыхъ критиковъ изъ числа младороссовъ или членовъ РОВС-а хватило такта не писать ничего противъ него въ *Новомъ Русскомъ Словѣ*. Напротивъ, появляются откровенно просолоневичевскія статьи. Въ частности, въ номѣрѣ отъ 15 февраля писалось: «Невольны коммунисты своими покушеніями, убійствами и похищеніями указываютъ намъ на тѣ организаціи, которыя активно ведутъ

борьбу съ ними и на поддержкѣ которыхъ мы, слѣдовательно, должны сосредоточить всѣ свои силы и средства (*выдѣльно въ газетѣ* – Н. К.)» [Загайко, 1938]. Фактически, такимъ образомъ Солоневича возводили въ рангъ лидеровъ Русской Эмиграціи. При этомъ, всего черезъ полгода, въ номерѣ отъ 11 августа, будѣтъ высказано мнѣніе, что «Солоневичъ, стремящійся въ вожди Русскаго Зарубежья (каковымъ его, по сути, въ *Новомъ Русскомъ Словѣ* и объявили – Н. К.), для этой роли «мелковать» [*Солоневичъ противъ Р.О.В.С.*, 1938].

Учитывая то, что уже съ мая 1938 г. критика Солоневича въ *Новомъ Русскомъ Словѣ* возобновляется [Ж—овъ, 1938], можно сдѣлать выводъ, что если бы терактъ былъ успѣшнымъ, и Солоневичъ погибъ тогда въ Софіи, то всѣ бывшія на тотъ моментъ къ нему претензіи въ цѣломъ забылись бы. Его гибель возвела бы его на пантеонъ непогрѣшимости. Но судьбѣ было угодно иное.

Солоневича на фонѣ теракта изображали какъ дѣятельнаго антикоммуниста, который хоть и принялъ революцію, но разочаровался въ ней, разочаровался въ возможности приносить пользу Россіи подѣ большевиками [Трубниковъ, 1938]. Солоневичъ предстаѣтъ на страницахъ *Новаго Русскаго Слова* какъ семейный человѣкъ, талантливый, политически грамотный, откровенный съ читателями, но при этомъ неуживчивый [Тамъ же]. Даже въ часы траура ему предъявляли претензію въ раскалываніи эмиграціи и даже называли послѣднее причиной теракта. Такъ, въ номерѣ отъ 19 февраля перечисляются слухи объ авторахъ покушенія, среди которыхъ называютъ «руку [русской] эмиграціи» [Ю. Р., 1938].

Послѣ возобновленія критики къ тѣмъ чертамъ Солоневича, что газета давала ранѣе, вмѣстѣ съ обозначеніемъ скрытности и осторожности Солоневича въ быту, добавляются сомнѣнія въ его владѣніи языкомъ и правилами культуры. Солоневича сначала ([Ж—овъ, 1938: 2]) обвиняють въ языковомъ и культурномъ большевизмѣ, а затѣмъ ([*Куда клонитъ Солоневичъ?*, 1939].) – въ неумѣніи писать (что пересѣкается съ его воспоминаніями о его взаимоотношеніяхъ съ совѣтскими редакторами [Сапожниковъ, 2014: 64–65]).

Постепенно, весь 1938 г., газета рисует Солоневича как самозванного вождя либо всей Русской Эмиграции цѣликомъ, либо однихъ лишь русскихъ эмигрантовъ въ Германіи. Солоневичъ предстаѣтъ читателю *Новаго Русскаго Слова* въ качествѣ симпатизанта національ-соціализму [П. Н., 1938], сторонника эмигрантскаго черносотенства и погромнаго антисемитизма [Берлинъ, 1938]. Его упрекають въ вождизмъ и раскальваніи Эмиграціи постоянной критикой РОВС-а. По мнѣнію авторовъ этого періода, Солоневичъ изначально былъ лишь частнымъ пропагандистомъ, по волѣ случая превратившемся въ официальнаго вождя [*Солоневичъ противъ Р.О.В.С.*, 1938].

Въ августъ 1938 г. на его медійномъ портретѣ появляются новыя черты. Онъ становится одновременно и «гитлеровскимъ объединителемъ русскихъ», и невоевавшимъ членомъ ЧК, личнымъ другомъ Дзержинскаго [Тимошокъ, 1938]. Съ этого времени, по мнѣнію авторовъ газеты, Солоневичъ становился оплаченнымъ агентомъ нацистовъ. Они же отмѣчаютъ, что Солоневичъ теряетъ вѣсь: утверждается, что онъ перессорился со всей Эмиграціей и даже съ частью своихъ же «штабс-капитановъ» [Рах., 1938]. Въ цѣломъ же, вся дѣятельность Солоневича объявляется ведомой одной лишь жадой наживы [Старый Желѣзнодорожникъ, 1938].

Справедливости ради, статьи, освѣщающія антигерманскіе прогнозы Солоневича, въ *Новомъ Русскомъ Словѣ* публиковались тоже, но это [Рах., 1938] было скорѣе исключеніемъ.

Интересна отражѣнная въ четырехъ статьяхъ дискуссія о словахъ генерала Деникина въ адресъ Солоневича. Сначала, 22 декабря 1938 г. [*Разоблаченія ген. Деникина*, 1938], публикуется пересказъ рѣчи генерала Деникина, согласно которому Антонъ Ивановичъ назвалъ Ивана Лукьяновича агентомъ нацистовъ.

Это сразу же было опротестовано 28 декабря авторомъ, сомнѣвающимся въ достовѣрности пересказа [Колосовскій, 1938]. 7 января 1939 г. ситуація запутывается вновь. Выходитъ статья, авторъ которой, увѣренный въ достовѣрности перваго сообщенія и непогрѣшимости генерала Деникина, заявляетъ, что «когда Деникинъ называетъ Солоневича измѣнникомъ Родины, ему надо вѣрить» [*Докладъ...*, 1939: 2]. Точку въ столь репутационно опасной ситуаціи поставилъ лично генераль Де-

никинъ. Въ его письмѣ отъ 28 января 1939 г. онъ прямо пишетъ, что «не называль Солоневича агентомъ нацистовъ» [Деникинъ, 1939].

Въ 1939 г. ситуація осложняется. Солоневича обвиняють въ предательствѣ имперской идеи [Аргусъ, 1939], постоянныхъ подлогахъ [Лосевъ, 1939], смакують конфликтъ между Солоневичемъ и РОВС-омъ, вылившемся въ томъ, что Солоневичъ объявилъ руководство Союза агентурой ОГПУ, и въ томъ, что дважды – въ Парижѣ и въ Софіи – дошло до рукоприкладства между сторонниками Солоневича и членами РОВС-а [*Хулиганскіе нравы*, 1939].

31 мая 1939 г. выходитъ обширная статья противъ Солоневича. Его, этнически русскаго, сословно – крестьянина, назвали выходцемъ изъ обрусѣвшей мелкопомѣстной польской шляхты. Его отца обвиняли въ работѣ на правительство, а самого Ивана – въ работѣ на совѣты и на «таинственныхъ польскихъ меценатовъ» и въ дезертирствѣ во время Гражданской войны [Ляховъ, 1939]. Одно это уже могло легко его дискредитировать, особенно въ самомъ началѣ его эмигрантскаго пути.

Въ дальнѣйшемъ Солоневича обвиняли въ авантюризмѣ, невѣжествѣ, шкурничествѣ, просовѣтской пропагандѣ – прицѣпились къ тому, что онъ описываль техническія достиженія СССР. По мнѣнію критиковъ, Солоневичъ сознательно раскалываль Эмиграцію («такова его цѣль», какъ писалось въ статьѣ Всеволода Богенгардта [Богенгардтъ, 1939]), поливаль грязью дореволюціонную Россію, Императорскую Армію и Бѣлое движеніе [*Куда клонитъ Солоневичъ?*, 1939]. Къ критикѣ подключился и Борисъ Солоневичъ, считавшій, что авторитетъ его брата посрамлёнъ, а самъ онъ изъ публициста переродился въ полемиста [В-ій, 1939]. Помимо обвиненій въ просовѣтской пропагандѣ, его называли сидящимъ въ «нѣмцлагерѣ» за пазухой Геббельса въ угоду Сталину [Н. Р. С., 1939; *Въ нѣмцлагерѣ*, 1939].

Прямо въ началѣ Второй міровой, 1 сентября 1939 г., авторъ *Новаго Русскаго Слова* вообще заявилъ, что «Закатилась звѣзда Солоневича (никогда сильно не блестящая на нашемъ небосклонѣ)» [Н. П. В., 1939: 4]. Какъ мы видимъ, къ началу войны образъ Солоневича въ глазахъ читателя *Новаго Русскаго*

Слова были писаны чёрной краской: авторитарный авантюрист с замашками вождя, плохой писатель, пропагандист, служащий Гитлеру и Сталину, дезертир, враг русской военной и монархической эмиграции, невеста и черносотенный погромщик. С таким имиджем на страницах данной газеты он и входит во Вторую мировую войну.

В дальнейшем, за всё время войны, в этой газете о Солоневиче упоминают лишь дважды: в 1941 г., когда просто появляется заметка, что он нашёлся [Смирнов, 1941: 4], и в 1944 г., где Солоневича продолжают называть политическим авантюристом, который нашёл «достойное применение своих талантов у немцев». Правда, отмечается, что он занимался контр-революционной деятельностью до ареста в СССР (впервые в данном издании), и что вместе с братом он совершил в СССР убийство с целью грабежа, доказательство чего у редакции, якобы, имеются [Лазаревский, 1944]. То, что, библиографические материалы о Солоневиче последнего не подтверждают, и то, что в дальнейшем эта тема не поднималась, говорить о том, что это утверждение было сделано лишь для дискредитации Солоневичей.

Вновь на страницах данного издания имя Солоневича всплывает в 1947 г. [Братья..., 1947]. Отмечается, что Борис Солоневич сидел в бельгийской тюрьме, что спасло его от депортации в СССР. Там же появляется информация о том, что Тамара погибла не в Софии, а в Београде, что тоже говорит о качестве работы корреспондента газеты. В той же статье его «мировая известность как писателя» ставилась под сомнение. Впоследствии лишь мелькают отдельные заголовки о том, что он просто открыл новую газету в Южной Америке [Снова..., 1948], просит монархистов не мешать Керенскому, мол тот был единственным представителем Русской Эмиграции, у кого были связи, способные после победы США над СССР в новой мировой войне восстановить Россию, и что после того, как Керенский восстановит правительство, монархистам он опасен не будет [С. О., 1950]. Ироничность того, что монархистам нужно использовать Керенского для восстановления в России монархии, в *Новом Русском Слове* не почувствовали.

Въ дальнѣйшихъ публикаціяхъ также звучать сомнѣнія въ его значимости, появляются обвиненія въ подлогахъ [Прошинъ, 1950]. Продолжается обсужденіе его конфликта съ РОВС-омъ, приведшемъ къ его высылкѣ изъ Аргентины. Въ то же время, *Новое Русское Слово* въ нѣкоторыхъ вопросахъ встаётъ на сторону Солоневича, давая площадку и его сторонникамъ [Иргизовъ, 1951], и самому Солоневичу [Солоневичъ, 1951].

Послѣднія публикаціи связаны уже съ фактомъ его смерти. 30 апрѣля 1953 г. появляется некрологъ [А. С., 1953]. Въ нёмъ безъ всякаго сомнѣнія указывается, въ контрасть съ ранними публикаціями, что Солоневичъ былъ изъ крестьянъ, воевалъ въ рядахъ Бѣлой арміи, былъ связнымъ съ Константинополемъ, изъ котораго въ Ялту вернулся прямо передъ Исходомъ (въ послѣднихъ двухъ фактахъ газета снова перепутала Ивана съ Борисомъ [Лиходѣй, 1953]), пишутъ о его подпольной дѣятельности въ СССР до ареста, что онъ всегда былъ антикоммунистомъ, антисемитомъ, критикомъ закованнаго праваго лагеря, авторомъ идеи безсословной монархіи, такимъ образомъ признавая его заслуги. Однако, въ концѣ они подмѣчаютъ, что Солоневичъ былъ яркимъ человекомъ, «талантъ котораго ушѣлъ не столько на борьбу съ большевизмомъ, сколько на внутреннія распри».

Въ *Новомъ Русскомъ Словѣ* въ большинствѣ случаевъ Солоневича описывали въ чѣрныхъ краскахъ. Распространѣнная въ Русской Эмиграціи легенда о томъ, что Солоневичъ былъ агентомъ ЧК, здѣсь практически не проскальзываетъ (встрѣчена лишь въ парѣ публикацій), въ отличіи отъ обвиненій въ службѣ Гитлеру. Его описывали какъ карьериста съ замашками вождя, человека крайне отрицательнаго и даже невѣжественнаго, который дѣйствуетъ только на вредъ Русской Эмиграціи, но въ итогъ въ газетѣ всё-таки признали его вкладъ и его значеніе для Русскаго Зарубежья и всей русской правой монархической мысли. Однако, имиджевый уронъ Солоневичу, особенно въ 1930-ые гг., нанесѣнный газетой, былъ достаточно великъ, а образъ Солоневича, формируемый на ея страницахъ, оставался до конца однозначнымъ и враждебнымъ. Вѣдь даже некрологъ не обошѣлся безъ нѣ котораго упрѣка.

Источники и литература

- А. С. Скончался И. Л. Солоневич // *Новое Русское Слово*. – 30 апрѣля 1953. – С. 1.
- Аргусъ. О чѣмъ говорятъ слухи и факты // *Новое Русское Слово*. – 10 февраля 1939. – С. 2.
- Берлинъ, П. А. Русскіе патріоты чужого отечества // *Новое Русское Слово*. – 5 августа 1938. – С. 2–3.
- Богенгардтъ, В. Штабсъ-капитаны и И. Солоневичъ (Открытое письмо г. Солоневичу) // *Новое Русское Слово*. – 20 іюня 1939. – С. 3.
- Бомба въ посылкѣ Б. Солоневича // *Новое Русское Слово*. – 4 февраля 1938. – С. 1.
- Братья Солоневичи // *Новое Русское Слово*. – 27 мая 1947. – С. 2.
- В-ій, Р. Бор. Солоневичъ объ Иванъ Солоневичъ: Политическая ссора двухъ братьевъ // *Новое Русское Слово*. – 12 іюля 1939. – С. 2.
- Деникинъ, А. И. Письмо ген. А. И. Деникина Г-ну Редактору «Новаго Русскаго Слова» // *Новое Русское Слово*. – 28 января 1939. – С. 4.
- Докладъ ген. А. И. Деникина и письмо С. М. Колосовскаго // *Новое Русское Слово*. – 7 января 1939. – С. 2, 4.
- Ж—овъ, М. Книга Ивана Солоневича въ англійскомъ переводѣ // *Новое Русское Слово*. – 20 мая 1938. – С. 6.
- Загайко, В. Л. Къ подписчикамъ «Голоса Россіи» // *Новое Русское Слово*. – 15 февраля 1938. – С. 3.
- Иванъ Солоневичъ повернулъ лицомъ къ Сталину («Въ нѣмцлагерь») // *Новое Русское Слово*. – 6 октября 1939. – С. 5.
- Иргизовъ, Н. Главное оружіе // *Новое Русское Слово*. – 19 января 1951. – С. 3–4.
- Колосовскій, С. М. О рѣчи ген. А. И. Деникина // *Новое Русское Слово*. – 28 декабря 1938. – С. 4.
- Куда клонитъ Солоневичъ? // *Новое Русское Слово*. – 5 іюля 1939. – С. 3.
- Кузнецовъ, Н. В. Наглядныя средства агитаціи какъ отражение позиціи изоляціонистовъ по вопросу о вступленіи США во Вторую міровую войну // *Ars Historica* : сборникъ научныхъ статей. – Вып. 9. / Сост., научн. ред. Т. С. Минаева. – Архангельскъ: КИРА, 2017. – С. 61–68.
- Кузнецовъ, Н. В. Образъ еврея въ антисемитской пропагандѣ въ США въ 1933–1941 гг. // *Мы не можемъ молчать: Школьники и студенты о Холокостѣ*. – Вып. 15. / Сост. М. В. Гилѣва, Т. Б. Пасманъ;

подъ ред. И. А. Альтмана. – М.: Центр и Фондъ «Холокостъ»: МИК, 2018. – С. 101–108.

Лазаревскій, В. *Отыскался слѣдъ Солоневичей* // *Новое Русское Слово*. – 8 декабря 1944. – С. 2.

Лиходѣй, П. *О неточностяхъ и искаженіяхъ фактовъ (письмо въ редакцію)* // *Новое Русское Слово*. – 7 мая 1953. – С. 4.

Лосевъ, И. *Старый Желѣзнодорожникъ и... И. Солоневичъ* // *Новое Русское Слово*. – 11 марта 1939. – С. 4.

Ляховъ, А. *Кто такіе бр. Солоневичи?* // *Новое Русское Слово*. – 31 мая 1939. – С. 2, 4.

Младороссы г. Нью-Йорка. *Семейство Солоневичей – троцкисты* // *Новое Русское Слово*. – 19 мая 1937. – С. 3.

Н. П. В. *Русскіе нахлѣбники Гитлера* // *Новое Русское Слово*. – 1 сентября 1939. – С. 2, 4.

Н. Р. С. *«Берлинскія откровенія»* // *Новое Русское Слово*. – 2 августа 1939. – С. 2.

П. Н. *Русскіе въ Берлинѣ* // *Новое Русское Слово*. – 17 іюля 1938. – С. 3.

Прошинъ, К. *По стопамъ софистовъ* // *Новое Русское Слово*. – 13 іюля 1950. – С. 2–3.

Разоблаченія ген. Деникина // *Новое Русское Слово*. – 22 декабря 1938. – С. 1.

Рах. *Новыя пѣсни И. Солоневича* // *Новое Русское Слово*. – 14 октября 1938. – С. 2.

С. О. *Солоневичъ призываетъ монархистовъ «не мѣшать» Керенскому и Абрамовичу* // *Новое Русское Слово*. – 11 мая 1950. – С. 5.

Сапожниковъ, К. Н. *Солоневичъ*. – М.: Молодая Гвардія, 2014. – 453 с., илл.

Смирновъ, Ю. *Письмо изъ Тянциня* // *Новое Русское Слово*. – 14 ноября 1941. – С. 2, 4.

Снова – Ив. Солоневичъ / Русская хроника // *Новое Русское Слово*. – 11 ноября 1948. – С. 4.

Солоневичъ, И. Л. *Нѣкоторые вопросы для правыхъ и лѣвыхъ (письмо въ редакцію)* // *Новое Русское Слово*. – 26 мая 1951. – С. 2–3.

Солоневичъ противъ Р.О.В.С. «Возрожденіе» возмущено. Недопустимые выпады // *Новое Русское Слово*. – 11 августа 1938. – С. 5.

Старый Желѣзнодорожникъ. Фондъ спасенія Россіи запоздалъ лѣтъ на тридцать // *Новое Русское Слово*. – 25 ноября 1938. – С. 4.

Тимошокъ, И. *Позорная дѣятельность эмигрантскихъ Мининыхъ* // *Новое Русское Слово*. – 15 августа 1938. – С. 5.

Трубниковъ, П. *Взрывъ у Солоневичей* // *Новое Русское Слово*. – 18 февраля 1938. – С. 2–3.

Трубниковъ, П. *Жизнь и борьба советской молодёжи: О новой книгѣ Бориса Солоневича* // *Новое Русское Слово*. – 24 апрѣля 1937. – С. 2–3.

Трубниковъ, П. *О разочарованіи комсомольца Сени, «божественномъ коммунизмѣ» Франциска Ассизскаго и новыхъ письмахъ Наполеона* // *Новое Русское Слово*. – 15 мая 1935. – С. 2.

Хулиганскіе нравы. Драки РООВС-а съ солоневичевцами // *Новое Русское Слово*. – 12 мая 1939. – С. 2.

Чернавина, Т. *Новые бѣглецы изъ СССР* // *Новое Русское Слово*. – 6 октября 1934. – С. 4.

Ю. Р. *Адская машина въ Софіи* // *Новое Русское Слово*. – 19 февраля 1938. – С. 2, 6.

Иван Солоневич – русский империалист

Отрадно, что сегодня, на девятнадцатой конференции, проводимой в год 300-летнего юбилея Российской Империи, мы можем обратиться к теме места и роли идеологии империализма в, не побоюсь этого слова, учении Ивана Лукьяновича Солоневича.

Согласно азам теории государства и права империя есть одна из форм государственного устройства, точнее один из видов унитарного государства. Как правило, элементарная классификация форм государственного устройства предполагает следующие их виды: унитарное государство, возможно и с автономными образованиями, федерация и конфедерация. Различают их в зависимости от соотношения компетенций центральной и местных властей. Так, в конфедерации имеются только круг вопросов, представляющий собой общий предмет ведения обеих властей, и круг вопросов, решение которых является исключительной прерогативой местных властей, в которые центральная власть вмешиваться не может. В федерации присутствует наряду с названными предмет исключительного ведения центральной власти. В унитарном государстве существует только последняя компетенция и общий предмет ведения центральной и местных властей, т. е. центральная власть вправе самостоятельно решать любые вопросы, в том числе те, в решении которых принимают участие и местные власти. Унитарные же государства, в которых отсутствовали бы какие-либо власти, отличные от центральной, вроде городов-государств типа Ватикана, встречаются крайне редко. Даже Княжество Лихтенштейн разделено на 11 муниципальных районов (коммун). Как говорит статья 110 конституции этого карликового государства «закон (изданный центральной властью – А. С.) учреждает общины, их организацию и их задачи в соответствующих, непосредственно им порученных сферах деятельности».

Однако, эти схоластические различия форм государственного устройства для понимания, что такое настоящая, а не про-

сто по названию, империя, имеют столь же мизерное, хотя мизерное всё-таки имеют, значение, как и само слово «империя» в наименовании государства. Собственно, русское государство было изначально имперским, т. к. возникло, согласно несторовой летописи, в силу необходимости урегулирования отношения между различными этническими группами – славянскими словенами и кривичами, финно-угорскими чудью и мери: «...Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси... И от тех варягов прозвалась Русская земля». До провозглашения русской державы империей оставалось больше восьми с половиной веков. Но то главное, что присуще этой форме государственного устройства уже было налицо – унитарное государство с полиэтническим составом. В последующие сто с четвертью лет основным этносом нового политического образования стали восточные славяне, ассимилировавшие и варягов.

Принятие нашими предками при Святом равноапостольном Великом Князе Владимире Святославиче христианства, как общенародного мировоззрения, запустило процесс преобразования русского народа в государствообразующий, цель и смысл существования которого, даже и в период раздробленности, стали доминирующими для остальных расположенных на территории Руси этносов.

С падением в середине XV века просуществовавшей более тысячи лет Восточной Римской (Византийской) империи, православной преемницы Древнего Рима, именно перед русскими, в силу обладания более других православных наций людскими, воинскими, территориальными, государственно-политическими и иными всё более проявляющимися возможностями, встала задача возглавления твёрдого стояния в истине Православной Веры, удержания мира, насколько возможно, от сползания в пропасть богоотступничества.

Принятие русским православным народом этой цели, отнюдь не сулящей умножение материальных благ и спокойную жизнь, стало принципиальным стержнем воссоздания единства русского государства – России, общей для множества народностей ради всемирно-исторического значения цели. Русский народ принял эту цель, как свою собственную. Этносы, вовлеченные им в сферу выполнения своей государствообразующей задачи, приняли, иногда не без неразумного сопротивления, те выгоды, которые им предоставлял факт общероссийского подданства и истинно имперского отношения. Когда, не покушаясь на национально-культурную идентичность, русские брали часть представляющих общую пользу забот, прежде всего военных, исключительно или преимущественно на себя, а центральная, общероссийская власть в лице самодержцев руководствовалась принципом «Различай и властвуй». Не «разделяй и властвуй» есть принцип настоящий империи, а именно индивидуальный подход, с учётом всех культурно-исторических особенностей каждого члена общеимперской семьи. Не покорение ради ограбления и истребления, а замирение ради торжества истины и любви, ради общего мира и благоденствия.

Всё это, но более подробно, Иван Солоневич изложил в своём замечательном, философского масштаба, труде, в «Народной монархии», открыто, в отличие от не по разуму стеснительных его, да и наших современников, заявив в главе «Русский империализм»: *«Я, конечно, русский империалист. Как и почти все остальные русские люди».*

«...Я не националист. Я - империалист. Ибо, если в основу будущего отстроения Империи Российской мы поставим не имперский, а национальный принцип – то на оном принципе мы далеко не уедем. Сейчас же возникает необходимость определить границы нации. Войдут ли в понятие этой нации только великороссы? Или великороссы, малороссы и белорусы? И сможем ли мы отказать в "национальной принадлежности" таким немцам, как покойный адмирал фон Эссен? Или таким полякам, как проф. Петражицкий? Или тем нашим кавказским кунакам, которые совсем неплохо дрались за Россию?» («Голос России», № 43, 20 апреля 1937 г.)

*«Когда я в первый раз публично признался в этой национальной слабости, – пишет Солоневич в «Народной монархии», – сконфузился даже кое-кто из читателей тогдашнего “Голоса России”: ах, как же так, ах, нельзя же так, ах, на нас обидятся все остальные... Люди, вероятно, предполагали, что величайшую империю мира можно было построить без, так сказать, «империалистических» черт характера, и что существование этой империи можно как-то скрыть от взоров завистливых иностранцев. Кроме того, русская интеллигенция была настроена против **русского** империализма, но не против всех остальных... Русская интеллигенция, верная своим анти-русским настроениям, относилась в общем весьма сочувственно ко всяким империям – кроме нашей собственной. Я отношусь также сочувственно ко всяким империям, но в особенности, к нашей собственной».*

Актуальность этого в точном смысле слова сочувствия Солоневич объясняет так: *«Мы переживаем сейчас тот истинно трагический момент мировой истории, когда Российская Империя морально отсутствует: при ее наличии сегодняшний мировой кабак был бы совершенно невозможен».* В наше время мы, пожалуй, можем подписаться под каждым словом Ивана Лукьяновича.

В статье «Вопрос о терминах» («Голос России», № 43, 20 апреля 1937 г.) Иван Солоневич пишет: *«...Империя временно потеряна. Но на базе национализма возродить её невозможно... на... одной шестой части земной суши - национализма проповедовать нельзя... Империю я понимаю не как "эксплуатацию", а как службу... В понятие национализма неизбежно входит какой-то элемент эксплуатации и заработка. В понятие империализма входит **элемент долга и службы**...».*

В той же статье: *«...Россия – это не есть "нация", а есть гигантский конгломерат наций... Россия есть государство не национальное. Иначе говоря - не просто государство, а Империя».* В другом месте: *«В строительстве этой Империи - под верховным руководством русского народа - принимало участие очень много народов и наций»* А перед этим: *«Под общей крышей этой Империи совсем не так плохо уживалось больше сотни народностей и теперь народности эти, переселившись*

из Империи в колхозы, поняли окончательно, что Империя - это было совсем неплохо».

И ничего предосудительного в стремлении к империи нет: *«Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Или потому, что понимает недостаточность своих сил. Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла: оно проходит красной нитью через всю мировую историю. Но можно морально оценить и методы и результаты имперской стройки. Можно также установить тот факт, что Империя оказывается тем крепче, чем удобнее чувствуют себя все населяющие ее народы и племена («Народная монархия», глава «Что есть империя»).*

«...Всякий истинный федералист проповедует всякую самостийность только, пока он слаб. Когда же он становится силен, — или ему кажется, что он становится силен, — он начинает вести себя так, что конфузятся даже самые застарелые империалисты. Федерализм это есть психология слабости, а никогда еще в истории мира слабость не решала ничего. Решала сила. Но — решала моральная сила, — и решала только она одна. Сила оружия есть только производная величина моральной силы. Ибо: оружие без людей — это или просто палка или куча палок. Палка или куча палок становятся оружием тогда, когда находятся люди, готовые «применить оружие». Его можно применять двояко: а) во имя грабежа и б) во имя защиты от грабежа. Подавляющее большинство людей «способных носить оружие» склонно применять его против грабежа. Чем выше та моральная ценность, во имя которой «применяется оружие», тем большее количество людей станет его применять. Империя будет строиться и держаться в той степени, в какой она обеспечит максимальные преимущества максимальному количеству людей. И провалится тогда, когда не сможет удовлетворить этому историческому запросу («Народная монархия», глава «Русский империализм»).

Неоднократно цитируя Наполеона III, Иван Солоневич в «Народной монархии подчеркивает, что *«Империя — это мир». Внутренний национальный мир»* (глава «Что есть империя?»). Но

в эти слова русский мыслитель вносит гораздо более глубокий смысл: «...“империя” – это, действительно, “мир” – настоящая империя... Ибо империя есть сообщество народов, уживающихся вместе... Это есть общность. Это есть отсутствие границ, таможен, перегородок, провинциализма, феодальных войн и феодальной психологии» («Народная монархия», глава «Русский империализм»).

«Империя – это мир... И всякий сепаратизм есть объективно реакционное явление: такая реакционная утопия предполагая, что весь ход человеческой истории – от пещерной одиночной семьи, через племя, народ, нацию – к государству и империи – можно обратить вспять.

...Империя есть объединение: в разных формах в разные эпохи, но все-таки объединение».

При этом, «... принадлежность к “господствующей нации” не давала решительно никаких: ни юридических, ни бытовых привилегий (... я никак не мог примириться с измерением человеческого достоинства по принципу национальной принадлежности, ... то же было в любой российской деревне и в любом русском городе)... Это свойство, которое характеризует русскую доминанту и при Олеге, и при Николае Втором, сделало – раньше «Империю Рюриковичей» и потом «Империю Романовых» – нашей общей империей. Если бы это было иначе, то империя, включавшая и включающая в свой состав десятки и сотни народностей, одиннадцать веков не продержалась бы».

«...Наше национальное единство, – пишет Солоневич, – родилось где-то в эпоху Олега, и войны, которые велись до установления всероссийского центра, были войнами за этот центр – а не за ликвидацию его. Войнами за централизм, а не за сепаратизм».

И в другом месте: «...Когда именно в Москве стал формироваться наш государственный строй демократического самодержавия, – массы повернули в ее сторону, и всякие дальнейшие споры стали безнадежными».

Нельзя сказать, что Иван Солоневич всегда негативно высказывался против термина «национализм».

В статье «О национализме» («Родина», № 3, 1940 г.) он излагает требования к националистам:

«Что же, собственно, характеризует или должно характеризовать настоящего националиста?»

Прежде всего – любовь и уважение к своей нации – т.е. к своему народу. Если нет любви – просто не о чем и говорить. Если нет уважения – то нельзя ни оправдать государственного бытия нации, ни верить в её будущее, ни утверждать некий верховный – уже религиозный – смысл существования этой нации на земле. Нельзя говорить о роли нации в строительстве земной жизни человечества.

Русская нация – это не "Россия", не "страна", не "обыватели". Это – Русский Народ, – тот народ, который, по терминологии "национального" журнала "Возрождения" обзывается "простолюдинами". Этих "простолюдинов" 98 % "России". Без уважения к ним – к их жертвам, к их способностям, к их государственному инстинкту – верить в Россию – нельзя. Следовательно, нельзя быть националистом.

Признавая за русским народом особую, неповторимую в мире, историческую роль, признавая его особое, неповторимое в мире, индивидуальное и духовное лицо, – его "я", – нельзя подчинить это "я" никакому нерусскому духовному и прочему, руководству.

Русский националист – желающий блага России – т.е. в первую очередь русскому народу – т.е. в первую очередь 98 % его "простолюдинов", – обязан этих "простолюдинов" вооружить самым современным умственным, экономическим и физическим оружием – какое только в состоянии дать самая современная культура...

Национализм может быть только прогрессивным. Реакционный национализм – это нелепица, – это тот национализм, который постарается обеспечить своей нации всяческое отставание и вести ее ко всяческим поражениям – и во вне, и внутри.

Настоящий национализм не может не быть демократическим – ибо он признает права всего народа, всей его массы, всех 98 % его "простолюдинов" – и обязан предоставить широкие возможности и всякому таланту из среды этих 98 %.

Истинный национализм неразрывно связан с истинным демократизмом – ибо он включает в себя уважение ко всему

народу, ко всей нации, черпает, силы из всего народа и из всей нации и борется со всякой кастой... И наш лозунг, лозунг про-грессивных русских националистов можно бы формулировать так: вся власть – русским мозгам».

Первый раздел «Политических тезисов российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения» называется «Русский национализм». Только русский национализм, по Солоневичу, есть именно империализм, национализм великой нации, нации, перед которой история поставила задачу общечеловеческой значимости. И в этом его отличие от национализма малых наций, от национализма декларативно шовинистического и/или сепаратистского, но рано или поздно вынужденного идти в фарватере той или иной великой державы.

«...1. Каждый народ мира, в особенности великий народ, имеет... свою неповторимую миссию в истории человечества. Эта миссия не может быть выполнена никаким другим народом... каждый народ имеет свою собственную судьбу.

2. Идея всякого национализма есть идея, объединяющая и воспитывающая нацию к исполнению ее исторической миссии на земле. С этой точки зрения – шовинизм есть дурное воспитание нации. Космополитизм – отсутствие всякого воспитания. Интернационал – каторжная работа нации для чуждых ей целей.

*3. Русский национализм, как идея, объединяющая и воспитывающая русскую нацию, в его самых глубинных истоках неразрывно связан с православием... **Вне религиозной основы не может быть обоснован никакой национализм, как не может быть обоснована и никакая этика. Русский национализм без православия есть логическая нелепица.***

4. Русский национализм, как идея, государственно оформляющая нацию, неразрывно связан с единоличной наследственной монархической властью, олицетворяющей в себе религиозный смысл нашего социального бытия. Республиканский национализм – если бы он и существовал – означал бы отрыв России от ее глубочайших религиозно-нравственных истоков».

Здесь, надо остановиться. Единоличная наследственная монархическая власть есть власть верховная, к предмету ведения

которого в правовом поле относятся все вопросы без исключения. Таким образом, в отличие от декоративных монархий, по недоразумению именуемых конституционными, форма государственного устройства действительно монархического государства по определению должна быть унитарной, а при полиэтническом составе поданных - империей. Унитарной, но не унифицирующей до безразличия к культурно-национальным, религиозным и иным особенностям образующих империю этносов.

В главе «Национальный вопрос» «Народной монархии» Солоневич в этой связи пишет:

«...При наличии полтораства народностей был неизбежен индивидуальный подход к каждой из них.

... русская монархия рассматривала каждый национальный вопрос в зависимости от каждого индивидуального случая.

“Национальный вопрос” в России – это сумма полтораства вопросов».

Вопрос дифференциации правового статуса разных народностей в Российской империи достаточно подробно освещён в моей статье «Правовое положение инородцев в Российской Империи» (опубликована на сайте газеты «Монархистъ»: <http://monarhist.info/history-glimpse/pravovoe-polozhenie-inorodtsev-v-rossijskoj-imperii>

Засим вернемся к Политическим тезисам штабс-капитанов:

«5. Русский национализм, как идея, политически оформляющая нацию, неразрывно связан с существованием Империи Российской, исторически соединяющей азиатский материк с европейским полуостровом, обеспечивающей нации российской беспримерное в истории мира непрерывное жизненное пространство, которое включает в себе все необходимые материальные ресурсы для самостоятельного и самобытного развития.

Российская Империя есть... необходимая материальная база существования закона...

6. ... Первый вопрос, который должен быть предъявлен всякой политической программе, – это *вопрос о духе: во имя чего строится нация и государство. И второй вопрос: каким именно орудием строились и будут строиться нация и государство.*

7. *Никакая разумная политическая программа не может быть изобретена, как не могут быть изобретены свойства национального духа или обстоятельства национальной истории и географии. Изобретенная политическая программа в самом успешном случае будет иметь своим последствием национальную катастрофу (у нас – либеральная программа кадетов и марксистская программа коммунистов)».*

В 17-м разделе Политических тезисов («Национальный вопрос») мы читаем:

«Мы категорически отбрасываем... систему насильственной или полунасильственной русификации,..

Каждый гражданин и каждая этническая или иная группа населения имеет право говорить, печатать и учиться на любом языке, который эта группа пожелает – однако, не посягая на права государственного языка, поскольку они диктуются технической необходимостью... Культурная самостоятельность, переходящая в государственный сепаратизм, рассматривается, как государственная измена».

В главе «Национальный вопрос» «Народной монархии» Иван Лукьянович развивает свою позицию: *«Народно-Монархическое Движение исходит из совершенно твердого убеждения, что ни один из населяющих Россию народов, получив полное местное самоуправление и при условиях свободного голосования, ни на какие сепаратизмы не пойдет: это - профессия очень немногих бесплатных, а еще более платных политиканов... Попытки «раздела России» наше Движение считает преступлением не только против России, но и против тех народов, которым удалось бы навязать отделение от их общей родины. Удача – хотя бы и частичная, этих попыток привела бы к чудовищному регрессу и культурному, и политическому, и хозяйственному. Она, в частности, означала бы ряд войн между разными петлюрами за обладание разными уездами. Если бы все территориальные вождедения всех наших сепаратистов сложить вместе, то для всех них не хватило бы и двух Российских Империй. Столкновения всех этих вождедений решались бы войнами – и хозяйственными и огнестрельными. Империя вернулась бы к положению удельного периода – со всеми соот-*

ветственными культурными, хозяйственными и политическими последствиями – вплоть до завоевания ее новыми гитлеровскими ордами».

Интересна в связи с этим данная Солоневичем в статье «О сепаратных виселицах» («Наша страна». № 15, 1949 г.) характеристика пресловутой идеи украинской самостоятельности:

«...ни русское правительство, ни русский народ во всех трех его ветвях – великорусской, малорусской и белорусской – никогда не признавали и, по всей вероятности, никогда не признают своей какой бы то ни было отделенности друг от друга. Отделение Украины от Великороссии означает гибель. И Великороссии и Украины.

Украинский сепаратизм грозит бытию всей России – то есть и Великороссии и Малороссии.

...Вся эта самостоятельность не есть ни убеждение, ни любовь к родному краю – это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие возжелания и весьма малая потенция – на рубль амбиции и на грош амуниции.

...Первая решающая черта всякой самостоятельности есть ее вопиющая бездарность... Всякая бездарность будет стремиться отгородить свою цель...

Когда я говорю о бездарности, я не говорю только об отсутствии таланта. Понятие бездарности включает в себя как неотъемлемую часть понятия – также и тщеславие...

...бездарность, прежде всего, претенциозна. Бездарность обвиняет весь мир в том, что весь мир не оценил ее дарований. И бездарность ненавидит весь мир за то, что весь мир не несет к ее ногам благодарственных даров за бездарность. Бездарность автоматически связана с ненавистью.

...ни лингвистика, ни краниология (учение об устройстве черепа, согласно умственному и нравственному развитию человека – А. С.) тут решительно ни при чем. Вопрос вовсе не в них – вопрос в дружбе или в ненависти.

... русская политика никогда не строилась на принципе разделения людей и племен. И если бы мы строили нашу русскую политику на, скажем, английских началах – то моральный смысл существования русской государственности перестал бы существовать. А мы все – сознательно или бессознательно,

исходим из того предположения, что наша государственность или имеет свой моральный смысл, или не имеет никакого».

В заключение, в связи с последним тезисом, хотелось бы сказать несколько слов про, если можно так выразиться, советских «империалистах». Они не только провозглашают Союз Советских Социалистических Республик империей, но даже считают таковой продолжением Российской империи. Но Российская империя – это не просто унитарное с полиэтническим составом государство, это государство-цивилизация, сознательно разрушенное теми, кто создал СССР. Стремление социалистической интернациональной люмпен-бюрократии к мировому господству, к установлению своей паразитирующей тоталитарно-террористической политической, экономической и всякой прочей диктатуры в масштабах «земшарной республики» ни в коем случае нельзя приравнивать к той миссии вселенского и, прежде всего, духовно-нравственного служения, служения, требующего жертвенности, к которой, к неудовольствию неспособных к ней «соотечественников», история человечества призвала русский народ и его государство.

*И. В. Стефанчиков, аспирант кафедры иберо-романского
языкознания филологического факультета
Московского государственного университета*

*Т. Г. Давыдов, преподаватель кафедры
классической филологии филологического факультета
Московского государственного университета*

Иван Солоневич и иностранные языки: (авто)биографический и лингвистический аспекты

В последние годы обрели актуальность исследования латинизмов в текстах различных русских писателей (из последних достижений в этой области – статья Л. М. Лукьяновой «Не-транслитерированные латинизмы у Александра Солженицына» [1]), однако данная языковая сторона трудов И. Л. Солоневича до сих пор не была известна как исследователям рецепции античности, так и солоневичеводам.

Иван Лукьянович Солоневич четверть жизни (около 20 лет) провел за границей, успев пожить в разных странах: Финляндии, Болгарии, Германии, Аргентине, Уругвае; бывал во Франции. И пусть по всему миру были разбросаны очаги русской эмиграции, представители которой могли помочь и помогали Солоневичу и его семье выжить на новом месте, пусть Солоневичи отличались чрезвычайной предприимчивостью, но в чужой стране знание языка всегда является большим подспорьем.

В настоящем докладе с опорой на биографические и автобиографические данные и лингвистический анализ текстов И. Л. Солоневича делаются основные предположения о его уровне владения иностранными языками. Перевод цитат далее – наш, если не указано обратного и если перевод не включен в цитату.

Латинский язык

Солоневич родился в Гродненской губернии и в детстве посещал Гродненскую гимназию. Отец, однако, забрал его после

трех лет учебы – биограф И. П. Воронин приводит две причины: нехватку денег и стремление оградить ребенка от моды на революцию [2]. В 1908 году семья переехала в Вильну, где в 1912 году он экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости во Второй Виленской гимназии. Помимо русского языка и словесности (сдал на тройку) он также сдавал латинский, французский и немецкий языки [3]. Директор гимназии, по свидетельству Солоневича, был латинистом и вообще «классиком», а потому на латинский язык пришлось нажимать очень сильно, но итогом экзамена стала тройка [4].

С оценкой он был не согласен: «К моему латинскому языку придраться нет никакой возможности» [5]. Неудачу на экзамене он объяснял так: «Моя память устроена так, что никакой грамматики я вы зубрить не могу. <...> В общем, мне по латинскому и по русскому языку поставили по тройке» [6]. И спустя сорок лет он высоко оценивал свои познания в латинском языке: «Странно, что я занимался им не без удовольствия: ни тогда, ни позже никогда за всю мою жизнь он мне решительно ни к чему не был нужен. Но я совершенно свободно читал любую книгу и до сих пор, то есть почти сорок лет спустя, я еще знаю наизусть две-три оды Горация, две-три страницы Овидия и даже страичку-две Цезаря» [7].

В «России в концлагере» он действительно оперирует названиями глагольных времен, используя их как несклоняемые имена: «Агроном оказался энтузиастом. Как у всех энтузиастов, у него „футурум“ (будущее – прим. Т. Д.) подавляюще доминировало над „презенс“ (настоящее – прим. И. С. и Т. Д.)» [8].

Однако исследование текстов показывает: оценка «удовлетворительно», вероятно, возникла не на пустом месте.

Уже через полгода после злосчастного экзамена молодой журналист публикует заметку об университете в «Северо-Западной жизни», где приводит известную латинскую крылатую фразу про отношение к мертвым, однако допускает популярную ошибку – метатезу (перестановку) гласных: *de mortius aut bene, aut nihil* (о мертвых или хорошо, или ничего) – и добавляет шуточный русский перевод «лежачего не бьют» [9]. Данная метатеза (*ui* → *iu*) является одной из самых частотных ошибок, особенно в конце слова, что связано с тем, что *-ius* у не

знающих латинского языка скорее ассоциируется с крайне пространственным исходом латинского слова, чем *-uis*.

Действительно, ошибок в латинском языке у Солоневича много, и их можно классифицировать.

1. Ошибки, вызванные редукцией гласных, свойственной русскому языку. *Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube // Nam quod Mars aleis, dat tibi rigina Venus* [10] («Пусть другие ведут войны, ты же, счастливая Австрия, заключай браки, ибо то, что другим дает Марс, тебе дает Венера») – здесь видим целую серию ошибок во втором стихе: 1) *quod* вм. *quod* (в оригинале – *quae*); 2) *aleis* вм. *aliis*; 3) ложное согласование слова *regna* ('царства' – вин. п. мн. ч.) с *Venus*, его переосмысление как слова *regina*, после чего орфографическая ошибка – *rigina* вм. *regina*; наконец, пропуск слова *regna* в переводе.

2. Ошибки, связанные с путаницей С и Q в относительно-вопросительных местоимениях, а также вызванные неразличением падежных форм – помимо примера с Австрией, он также пишет *qui* вместо *cui* в юридической формуле *cui prodest?* (в «Великой фальшивке февраля» ее перевод – «кому это было нужно» [11], в «Нар. монархии» – «кому это было выгодно» [12]), а в «Народной монархии» дважды использует Q во фразе *quius regio, ejus religio* («чья власть, того и вера») [13].

3. Ошибки, связанные с крайне искаженным представлением о системе склонения в латинском языке: *Nominae sunt odiosa* [14] (лат. «не будем называть имен»); «Может быть и он, если уж дело дойдет до *ultimo ratio* всякого социализма – до ножа, предпочтет не следовать толстовским заветам и не уляжется в могилу совсем уж безропотно и покорно, не желая обогреть своих социалистических рук кровью своих социалистических товарищей» [15]. Интересно, что в «Диктатуре импотентов» он приводит данное выражение кириллицей: *ультима рацио регс* (на самом деле должно быть *ultima ratio regum или regis* – последний довод королей/короля) [16]

Крайне странно итальянское произношение в примере из «России в концлагере»: «Никто из этих детей не мог, конечно, лечь на землю, сложить руки на животике и с этакой мирной резиныцией (резиныято – латин., полная покорность судьбе,

смирение – прим. ред.) помереть во славу будущих социалистических поколений» [17].

С другой стороны, с латинским языком Солоневича все было не так плохо. В августе 1912 года Солоневич поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета [18], и это, несомненно, оказало влияние на его латинский язык: так, большинство цитат, формул и постулатов, приводимых им, относятся именно к сфере юриспруденции, например:

Onus probandi (бремя доказательства – прим. И. С. и Т. Д.) [19]

jus vitae necisque – право на жизнь и на смерть [20]

dura lex, sed lex [21]

Quod princeps voluit – legis habet vigorem – что благоугодно монарху, имеет силу закона [22]

omnia impunem facere, hic est regnem esse «все делать безнаказанно, вот что значит быть королем» [23]

Солоневич знает не только известный термин *pater familias*, но даже и *bonus pater familias* (букв. добрый отец семейства, т. е. законопослушный, добропорядочный гражданин), однако в «Народной монархии» встраивает его в странную конструкцию: «Действовать – по римскому выражению – *cum bonus pater familias* – как добрый отец семейства – отсюда и „Царь-Батюшка“» [24]. Исходя из этой фразы видно, что Солоневич считал, что *cum* является переводом слова «как», и, вероятно, смешивал этот предлог со словом *quomodo*, которое является вопросительным словом «как», не могущим быть употребленным в таком контексте (правильно было бы – *ut* или др. варианты). Скорее всего, Солоневич неаккуратно запомнил или посмотрел в словаре двойной союз *cum... tum...* («как... так...»), оставив только первую его часть, что недопустимо.

Любит Солоневич и крылатые выражения, не связанные прямо с юриспруденцией – *credo, quia absurdum est* [25], *urbi et orbi* [26], *terra incognita* [27], однако иногда допускает досадные ошибки: «Для них сейчас *ibi bene – ibi patria*» /где хорошо – там отечество – латин./, [28], *momento more* /помни о смерти – латин./» [29].

Встречаются у Солоневича и медицинские термины: *exitus laetalis* /летальный исход – латин./ [30], *septicaemia acuta* /гнойное воспаление/ [31].

Как все журналисты, получившие классическое образование, он неплохо оперирует латинскими крылатыми выражениями, в частности, используя их как эпиграфы к своим статьям. Свободное употребление известных сентенций особенно ярко проявляется в том, как Солоневич их употребляет: он нередко сильно сокращает их (естественно, любой читатель газеты той поры мог спокойно восстановить убранную часть афоризма, так что в специальных пояснениях, как это делается в послереволюционное время, нужды не возникало) и инкорпорирует в русский текст: в 1912 г. в статье «Ставка на слабых» он пишет: «впрочем, этот номер уже не пройдет, *tempora mutantur...*» (времена меняются[, и мы меняемся вместе с ними – *nos et mutamur in illis*]) [32]. В статье «Вооружение наций» в 1914 году он использует *si vis pacem, para bellum*, приводя традиционный русский перевод («Если хочешь мира – готовься к войне») [33]. Среди других крылатых выражений, употребленных Солоневичем – *per aspera ad astra* [34], *deus ex machina* [35], *carpe diem* [36] (все три – в «Диктатуре слоя»). «*carpe diem*» /лови день, или – пользуйся моментом – латин./: сегодня живы и то слава Богу [37].

Стоит отметить, что Солоневича интересуют средневековые латинские источники по истории древней Руси, а также европейского средневековья, и в «Народной монархии» он приводит некоторые цитаты: «„*Terram latam et spaciosam, omnia rerum copia refertam, vetrae mandant ditione parere*“. Перевод: земля наша велика и обильна, порядка в ней нет, придите княжить нами» [38]. Там же: «славянские племена: *veneti, anti et sloveni*» [39].

В журнале «Родина» Солоневич перефразирует слова Христа *noli me tangere*: «Открытое слово об этих грехах воспринимается как разложение и оскорбление – *noli tangere...* Только не трогайте» [40].

В своем бестселлере «Россия в концлагере» он использует похожий прием, придавая ему комический эффект: «*Tarde venientibus* – щеголевато иронизирует Якименко /кто поздно

приходит – тому кости. – латин./ Бывает и так, что *tarde venientibus* – поленья» [41].

Впрочем, иногда его попытки встроить латинский афоризм в текст терпят крах: «И куда денусь я, – с моим мечом, латами, замками, гербами и семью поколениями рыцарских предков? Не следует негодовать: это *humanus est*» [42]. Интересно, что в «Народной монархии» уже использована верная форма, хотя и в традиционной формулировке, записанной кириллицей: «Вопроса о неточности, о случайном промахе, об „*эррапе гуманум эст*“ – здесь нет и быть не может» [43]. Употребляет Солоневич и другие крылатые выражения.

Но самое интересное в латинском языке у Солоневича – это, конечно, то, как он модифицирует крылатые фразы, добавляя в них неправильно образованные псевдолатинские слова:

«Идет полиция и несет с собою виселицы. *Caveant pitecantropes*» [44]. Правильнее было бы ‘*pithecanthropi*’.

«Обреченная толпа, под кровавыми знаменами, текла навстречу ДНЯМ своей гибели: *ave, revolutia, morituri te salutant!*» [45]. Видно, что Солоневичу не вполне знакомо римское понятие государственного переворота – «*res publica*», которое бы подошло контексту; Впрочем, своим неологизмом он, безусловно, хотел добиться узнаваемости у современных ему читателей.

«Здесь же моя тема – это только побег „*historia drapandi*“, тот самый „драпеж“, о котором сейчас снится с холодным потом, а вспоминается с гордостью и смехом» [46]. Солоневич настолько комфортно чувствует себя при обращении с латинским языком – или, скорее, он настолько врос в роль языкового «хулигана», что создает на основе русского ‘драпать’ латинский глагол *drapo, drapāre*.

Французский язык

Другой язык, который Солоневич сдавал во Второй Виленской гимназии – французский. Его он сдал на четверку. Следует сказать, что французский язык, конечно, был культурно весьма значимым языком на протяжении всего XIX в. и начала XX в., многие слова и фразеологизмы свободно использовались обра-

зованными носителями языка и остались в нашей речи по сей день.

В текстах Солоневича мы встречаем много примеров вставки фраз на французском, написанных латиницей без сопровождения переводом:

1) «Все человеческие добродетели, какие только можно впихнуть в отдельного человека, нацеплены на этого *chevalier sans peur et sans reproche*» (с двумя опечатками: *zepzoche*), т. е. «рыцаря без страха и упрека» [47]; 2) *en flagrant delit* (т. е. «на месте преступления») [48]; 3) «Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой *porte-parole*» (т. е. как «своего спикера») [49]; 4) «Русские в общем голосовали за царя и потом – *faut de mieux* – за Колчака и Деникина» (т. е. «за неимением лучшего») [50]; 5) «Женщины должны делать реверанс и при том не какой-нибудь, а *accompagné d'un gracieux sourire*» (т. е. «сопровождаемый милой улыбкой») [51]. При этом у самого автора здесь видим ошибку: использование женского неопределенного артикля вместо мужского.

В статье «Размышления о карасях и великодержавности» Солоневич сочетает аллюзии на Салтыкова-Щедрина с ироничным употреблением щедринского «прохвост»: «*les prokvestes* – по-французски оно как-то вежливее выходит. Научнее» [52].

Встречаются и записанные кириллицей французские слова, примеры: 1) «революционным „*парвеню*“» (т. е. *parvenu* – выскочка) [53]; 2) «А не дай Бог, „*аксидан*“!» (т. е. *accident* – несчастный случай) [54]; 3) «французского *ситуайена*» (т. е. *citoyen* – гражданин) [55].

Иногда встречаются ошибки в написании слов. Например, в слове *entente* – согласие, Солоневич в «Диктатуре слоя» забывает конечную -e: «Именно поэтому между гениями политики и подонками биологии устанавливается некая *entent cordiale*» (т. е. «сердечное согласие») [56].

Другой важный момент: Солоневич пишет французские слова преимущественно без диакритических знаков, важных во французском языке для отличения одних звуков от других. Это может свидетельствовать как о несовершенстве типографских наборов, с которыми Ивану Лукьяновичу приходилось работать, так и некоторыми лакунами в его языковых компетенциях.

В целом можно сказать, что Солоневич мог читать и изъясняться по-французски; по собственному признанию, мог давать на французском лекции. Что точно можно сказать – так это то, что он знал и понимал внутреннюю форму многих ходовых оборотов французского языка и активно использовал их. Писатель с уважением относился к французскому языку: в «Народной монархии» он называл его очень богатым [57].

Немецкий язык

Наконец, третий язык из тех, что Солоневич сдавал экстерном – немецкий; его он также сдал на «хорошо». Именно его Солоневич, судя по всему, знал лучше всего.

И уж точно мог свободно на нем читать: в ноябре 1914 г. он цитирует журнал *Zukunft* («Будущее»), а в марте 1917 года он обзорекает немецкую прессу для заметки в «Новом времени» [58]. В юном возрасте Солоневич читал знаменитые юмористические книги Вильгельма Буша.

В статье «Миф о Николае Втором» приводит на русском слова Черчилля о царском режиме и Николае II – и в конце цитаты прибавляет: «К сожалению, приходится цитировать по немецкому переводу» [59].

В «России в концлагере» упоминаются эпизоды общения на немецком после перехода Солоневичем и его сыном советско-финской границы: «С офицером мы, наконец, могли объяснить по-немецки» [60]. В 1938 году Солоневич выступал с лекциями и докладами, в том числе на немецком, в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Касселе, Франкфурте-на-Майне и Гамбурге [61].

При случае знаний немецкого языка Солоневичу хватало даже для того, чтобы выполнять функции переводчика: «Мне удалось на несколько минут втиснуться в их среду в качестве переводчика. Один из них говорил по-немецки» [62].

Помимо общеизвестных немецких выражений (*Deutschland, Deutschland, uber (sic – И. С. и Т. Д.) alles in der Welt* [63]), он использует и более нетривиальные термины, в частности, юридические – что легко объясняется его юридическим образованием. Позже к ним добавляются слова-маркеры, несущие на себе отпечаток жизни Солоневича в Германии в 1930-е годы и демонстрирующие его настоящее – презрительно-насмешливое –

отношение к режиму Гитлера. Ср.: «При удобном случае никто не брезговал и тем, что можно было унести на спине, увезти ночью на лодке или «вообще „национализнуть“ любым способом. Слово „национализировать“ на бытовом языке русской революции приобрело значение просто „кражи“, как в немецком языке слово „организация“» [64].

В текстах Солоневича встречается огромное количество немецких слов и выражений. В подавляющем большинстве случаев он использует их без ошибок.

Как это часто бывает, иногда Солоневич использует иностранные слова (в том числе и немецкие) там, где, как ему кажется, не существует точного русского эквивалента:

«На русском языке нет даже такого термина „*Geltungstrieb*“ – стремления быть важным – тяга к некоему самоутверждению, но именно „воля к власти“ выражена в русской массе гораздо выпуклее, чем в немецкой» [65]. *Geltungstrieb* – одно из любимых немецких слов у Солоневича, он постоянно приводит его, когда говорит о немецком менталитете.

Нужно знание живой хозяйственной жизни и нужно чутье – *Fingerspitzengefühl* [66].

Не меньшую любовь, а иногда даже искреннее восхищение Солоневич испытывает к характерным немецким шуткам, афористичным высказываниям:

Знаете, как говорят немцы: «*mut verloren – alles verloren*» /мужество потеряно – все потеряно – нем./ [67].

Langsam, langsam – nicht, wie die Kommunisten («Медленно, медленно, не так, как коммунисты») [68] – аналогия с «*morgen, morgen, nicht nur heute – alle sagen faule Leute* (завтра, завтра, не сегодня – все ленивцы говорят)».

Erste Kolonne marchiert, // Zweite Kolonne marchiert... [69] – фраза из «Войны и мира» (из I тома – сцена, в которой генерал Вейротер читает диспозицию на Аустерлицкое сражение); обращает на себя внимание французское написание СН вм. SCH.: его «эрсте колонне марширт» [70].

Мюллеры смотрели на карту и умственно измеряли своими сапогами тысячи верст от границы до Волги: «*ist der Kerl verrückt?*» – Это относилось к Гитлеру. Что он – с ума сошел? [71]

Немецкий девиз «heim ins Reich» Солоневич в «Народной монархии» цитирует целых три раза, из которых один пример записан кириллицей («Хайм инс Рейх») [72].

Его парафраза названия романа Ремарка «Im Westen nichts Neues» («На западном фронте без перемен») как «Im Westen auch nichts neues» – «На западе также ничего нового» [73] в очередной раз демонстрирует довольно свободное понимание немецкой речи и владение ей, а также свойственный Солоневичу юмор.

Действительно, характерно, что в немецком языке Солоневич практически не делает ошибок. К таковым можно, вероятно, отнести написание Мессер-Шмидты вм. Мессершмитты [74].

Наконец, нельзя не отметить, что знание немецкого языка Солоневичу помогало понимать и другие европейские языки – в частности, по написанию фамилии голландской Ван де Велде как фан-дер-Фельде мы можем сделать вид, что Солоневич не проводил границы между этим языком и немецким [75]. Косвенное влияние немецкий оказал и на орфографию английского у Солоневича, о чем мы расскажем далее.

Несколько парадоксальное свидетельство оставила об уровне немецкого языка Солоневича жена Юрия, Инга: «Va's German was atrocious» [76]. Дословно: «Немецкий язык Ва (т. е. Солоневича) был жутким, кошмарным». В свете изложенного выше предположим, что речь шла, скорее, о произношении, нежели о словарном запасе, который у Солоневича имелся.

И действительно, название Спортивного комплекса (букв. Спортивного дворца) он приводит как Спортпалас – хотя по-немецки соответствующее слово звучит как Шпортпаласт [77].

Солоневич и сам признавал: «Инга говорила по-немецки значительно лучше меня» [78]. Константин Сапожников пишет: «Работа по „шлифовке“ немецкого языка Солоневича предстоит немалая. Словарный запас у Ивана был богатый, но произношение сильно страдало».

«Шлифовка», о которой идет речь, – это занятия с Рут Беттнер, молодой вдовой немецкого обер-лейтенанта. В месте своей померанской ссылки, деревне Альт Драгайм, он брал у нее уроки немецкого, а взамен пытался обучать ее русскому. Оба

начинания Инга описывает как «провальные», зато в итоге привели к браку: Рут стала второй женой Солоневича [79]. Сама Рут, однако, оценивает успех уроков немецкого совершенно иначе, вспоминая: «Годами позже в Уругвае (1952) мы сидели в летнем кафе, и мужчина за соседним столиком то и дело наклонялся к нашему столику. Он явно прислушивался к разговору. Заметив, что нас это стало раздражать, он извинился и объяснил, что давно уже не слышал такого прекрасного немецкого языка. Женщина, сказал он, должно быть, из центральной области Германии, а мужчина, скорее всего, с самого востока страны» [80].

Подытоживая рассказ о «гимназических» языках Солоневича, приведем цитату из его «Тезисов»: «Должна быть проведена самая серьезная борьба со всеми остатками схоластики в преподавании. Преподавание иностранных языков в том виде, в каком оно существовало в наших гимназиях, – вообще не имеет никакого смысла. Изучали три языка (латинский, французский, немецкий) и не знали ни одного» [81]. Солоневич явно критически оценивал и в целом преподавание языков в дореволюционной средней школе, и, вероятно, имел здесь в виду и свой личный опыт.

Английский язык

Множество автобиографических сведений, оставленных Солоневичем, указывает на то, что он на определенном уровне владел английским языком. В октябре 1934 года Солоневич в письме Александру Ивановичу Гучкову пишет: «Я знаю языки – французский, немецкий и английский, и на первых двух могу выступать с публичными докладами. С английским – труднее» [82]. В «Диктатуре слоя» он отмечает: «Кроме русского языка я кое-как говорю еще и на трех иностранных» [83]. В одной из статей аргентинского периода он пишет: «Знания английского языка хватает, чтобы корректировать переводы» [84], имея в виду, очевидно, переводы своей книги «Россия в концлагере». Другое автобиографическое свидетельство: «В советских изданиях мужа сего этот отзыв по понятным соображениям изъят. В Германии Гитлера Карл Маркс был изъят вообще. Уже в бри-

танской зоне Германии мне удалось получить английское издание К. Маркса и сделать из него нужные мне выписки» [85].

Солоневич как минимум читал на английском, причем уже в своих статьях для журнала «Физкультура и спорт» Солоневич неоднократно ссылается на материалы англоязычной прессы, например: «„Manchester Guardian“ провела специальное исследование...» [86], «Американские журналы любят проводить параллель» [87]. Сам он, заядлый любитель футбола, борьбы и других видов спорта, нередко использует англоязычные физкультурные и спортивные термины: 1) «В таком состоянии физической *fitness*, т. е. пригодности, формы» [88]; 2) «Судья медленно делает шаг к воротам и мгновенно все понимают причину свистка. *Penalty kick*» [89]; 3) «Европа действует по правилам вольно-американской борьбы *catch as catch can* – хватай, что можно, потом разберемся» [90].

В «России в концлагере» он неоднократно приводит свидетельства того, как говорит с братом Борисом и сыном Юрой по-английски: «Мы забрались в глубину нар, и там Юра шепотом и по-английски рассказал следующее» [91]. Другой пример: «Я кричу: – *Cheer up, Bobby*» [92].

В текстах Солоневича встречается большое количество фраз на английском, позволяющих говорить о том, что писатель корректно использовал многие фразы и слова, относящиеся к базовому словарю: 1) «Принцип остается все тот же: *struggle for life*» (т. е. «борьба за выживание») [93]; 2) «Благочестивые англосаксы с Библией в руке и с долларом в сердце скажут – но что же: *business is business*» [94]. 3) «Это была еще молодая, лет 32–33 женщина, очень милая и привлекательная и с большими запасами „*sex appeal*“» (т. е. «сексуальной притягательности») [95]. В «Народной монархии» Солоневич использует написанное кириллицей слово «адвенчерер» («искатель приключений») для описания тех, кто строил Англию [96].

Примеры, могущие свидетельствовать о неправильном произношении и/или следованию устаревшей (устаревающей) традиции передачи англоязычных имен собственных:

«Рамсей» вм. «Рамзи» [97];

«Литтльпэйдж» вм. «Литтлпэйдж» [98];

«Уибледонский» теннисный стадион, вм. «Уимблдонский» [99];

«Тэнней» вм. «Танни» [100];

премьер-министра Ллойда-Джорджа в «Голосе России» Солоневич называет «Ллой Джорж» [101], что наглядно демонстрирует тот факт, что иностранные языки Солоневич часто воспринимал на слух. Впрочем, в «Народной монархии» используется уже правильное написание [102];

«Уизъм» вм. «Уильям» также свидетельствует об первоочередности устного восприятия для Солоневича [103];

самую популярную английскую фамилию Smith, традиционно передаваемую как Смит, Солоневич передает как Смис, что снова показывает важность слухового восприятия – впрочем, подобная передача известна и по другим русским авторам [104].

Его английская орфография также иногда страдает: название газеты New York Times он пишет «New Iork Times» (I вм. Y), что, безусловно, отражает дореволюционное написание Нью Йорк и эмигрантское Нью Йорк (которое использует сам Солоневич) [105]. Интересно, что на правописание английских слов у Солоневича влиял не только русский язык, но и немецкий: так, в «Народной монархии» «Книгу Страшного Суда» он называет Doomsdaybook, соединяя на манер немецких композитов английские слова [106].

Другие орфографические ошибки:

«Они были „out coast“ – не социальным, а биологическим осадком нации» [107], ср. также *aut cast* – Солоневич путает немецкий и смешивает с английским, т. к. узнает этот термин в немецкой пропаганде [108].

«В подавляющем большинстве случаев, – может быть, и во всех случаях, – гении политики, философии и прочего не имеют никакого представления о реальной жизни; им подобает жить в состоянии гордого „splendid insolation“: *ты царь – живи один*» [109]. Обращает на себя внимание ошибочное написание слова *isolation* (одиночество, изоляция) – из-за чего оно смешивается с инсоляцией (солнечной радиацией).

Описанная выше свойственная Солоневичу языковая игра, желание творить не только на русском, но и на иностран-

ных языках (ср. его не самые, к сожалению, удачные опыты с латинским языком) в «Народной монархии» выливается в рождение фразы *English wares are the best* – «английские товары лучшие» [110] – при том, что слово *ware* не является основным словом для выражения понятия «товар» (скорее *good(s)*). Со словом *ware* у Солоневича вообще были интересные взаимоотношения: в «Народной монархии» он приводит свою собственную этимологию этому английскому слову: «Наши войны, по крайней мере большие войны, всегда имели характер химически чистой обороны. Так же, как германские – завоевания и английские – рынки. Не поэтому ли на трех языках термин „война” так близок терминам: „добыча” – в немецком (*der Krieg – krieg*en), „торговля” – в английском (*the war and the ware*), и бедствия – в русском (вой и война)» [111].

Как ни странно, английская терминология оказалась важна Солоневичу в разработке теории народной монархии – так, англ. понятие «умного царя» он дублирует оригинальным прилагательным *intelligent* [112].

Наконец, не могла не впечатлить Солоневича американская должность «царя». В «Народной монархии» он переводит политический термин *the czar of economics* как «хозяйственный царь» [113].

Испанский язык

Испанский язык никогда не принадлежал к числу основных для русской культуры иностранных языков. До 1930-х гг. культурные контакты между Россией и испаноязычными странами были гораздо менее интенсивными, чем, например, между Россией и Германией, Францией или Великобританией. Так что вопрос о том, владел ли русский идеолог народной монархии испанским языком, мог бы, в принципе, и не рассматриваться нами сейчас как нерелевантный, если бы не важный сюжетный поворот в жизни Солоневича и его семьи: эмиграция из послевоенной Германии – в Аргентину.

Конечно, Иван Лукьянович к моменту переезда в Аргентину испанского языка не знал, о чем свидетельствует, например, Инга [114].

С одной стороны, при исследовании текстов на испанском языке в газете «Наша страна», которую Солоневич издавал в Аргентине и Уругвае, выявляются ошибки: как грамматические, так и, например, лексической сочетаемости. С другой – понятно, что тексты на испанском языке, конечно, создавались не самим Иваном Лукьяновичем, т. к. ничто не указывает на то, что он выучил язык впоследствии. Впрочем, письма Солоневича и его статьи данного периода указывают на то, что он точно усвоил отдельные слова. Вопрос о взаимодействии Солоневича с испанским языком может быть темой отдельного исследования.

Киргизский язык

Хотя Солоневич не знал не-европейских языков, его этнолингвистический интерес ярко проявляется в поездках по Средней Азии. Так, в книге «Памир» читаем следующий пассаж, свидетельствующий о том, что киргизского языка он не знал: «Конский топот остановился шагах в ста от лагеря, и какой-то гортанный голос что-то прокричал, вероятно, по-киргизски. В ответ из тьмы раздался спокойный ответ профессора – как оказалось позже – тоже по-киргизски» [115].

Особенно Солоневичу полюбилось слово, передаваемое им весьма точно как «кысмет» – арабское заимствование термина *قسمة qisma*, широко используемое в том числе в тюркских языках – Солоневич пишет: «Люди – груз не ценный и не срочный: если по дороге свалятся и разобьются – что ж, значит, судьба, или, как здесь говорят – кысмет» [116] (Солоневич упоминает это слово еще пару раз, в частности, сравнивая неизбежность магометанского предопределения с классовой борьбой Маркса). Другие лексемы, приводимые им в рамках описания местного быта [117]:

«бай» – в Азии точно так же, как «буржуй» или «кулак» в Европейской России («существо, стоящее вне закона»);

«чий» – местная трава;

«саз» – заросшая травой дыра в наносном слое;

«шайтан-арба» – автомобиль («таинственная повозка» для киргизов);

«басмач», вошедшее в широкое употребление в позднесоветское время, Солоневич разъясняет незнакомому с данным феноменом читателю очень просто: «местные повстанцы»;

«байга» – «своего рода киргизская олимпиада», состоящая из единоборства с «местным чемпионом», которого Солоневич называет словом «батырь». Интересно, что Солоневич знал о родстве русского богатырь и тюрского аналога, поэтому для узнаваемости он смягчает конечное р → рь, хотя это не соответствует произношению ни в одном тюркском языке.

Также можно отметить передачу киргизского акцента в русском языке: «Бачка, бери лодка, езжай на берег, сэйчас резыть будем».

Финский и шведский языки

С финским и шведским языком Иван и Юрий Солоневичи столкнулись сразу после побега из лагеря и пересечения границы с Финляндией. О первых днях в Финляндии Иван вспоминал: «Чужая страна, на обоих языках которой – финском и шведском, ни один из нас не знал ни одного слова» [118].

В статье «Эмиграция в будущей России» Солоневич приводит курьезный случай, связанный с финским и шведским языками: «Несколько позже мы перешли на свинину. Варилось полведра гороху со свиной головой. Нам посоветовали покупать свиные головы: дешево и сердито. Но так как советовавшие финского языка не знали, то название этой головы мне было сообщено по-шведски: *свин хувуд*. Я не знал, что это имя президента финской республики и, тыкая в свиную голову пальцем, говорил – *Varsogod свин хувуд*. Если бы подобную оплошность я позволил себе на московском базаре и, указывая на свиную голову, произносил бы имя Сталина – эта статья на свет вероятно не появилась бы» [119].

Польский язык

Живи Солоневич несколькими столетиями раньше, он наверняка бы прекрасно знал польский язык. Однако на рубеже XIX и XX века западнорусский регион уже был давно освобожден от польского влияния; с этим, думается, связано и редкое употребление польского в работах Солоневича. В «Народной

монархии» он цитирует польскую поговорку, которая «не без некоторой гордости утверждает, что Польша стоит беспорядком: *Polska nierzadem stoi* [120].

Название газеты *Kurjer Czerwony*, судя по всему, Солоневич слышал, но не знал, что в польском языке ч-образный звук обозначается сочетанием букв С и Z, поэтому он записывает его, как ни странно, на английский манер – через СН.

Для описания поляков Солоневич использует скорее немецкие уничижительные термины: «польское хозяйство – *Polnische Wirtschaft*» [121] (подразумевается отсутствие хозяйства).

Семья И. Л. Солоневича

Немаловажный аспект рассматриваемой темы – семья Ивана Лукьяновича и иностранные языки. Первая жена, Тамара Владимировна, работала преподавателем французского языка в минской женской гимназии [122], бывала в Париже. Позднее работала переводчиком с французским, немецким, английским языками. В своей книге «Записки советской переводчицы» она сообщает, что помимо этих трех языков также немного владеет испанским:

«Наконец, Гецова обращает внимание и на меня:

- Что вам, товарищ.
- Моя фамилия Солоневич, меня к вам просила зайти Л-ль.
- Ах да, вот отлично. Вы английским владеете?
- Да, французским, немецким, английским и немного испанским» [123].

Тамара хорошо понимала различия в немецких диалектах: в одном из материалов в «Голосе России» она очень точно приводит венскую фразу *g'sheh'n muass was!* – «что-нибудь должно случиться!», соответствующее в *Hochdeutsch* «*geschehen muss was!*» [124].

В Берлине Тамаре Владимировне удалось отдать Юру в немецкую школу, чтобы он «смог овладеть немецким языком и приобщиться к высокой германской культуре» [125]. Инга Солоневич, жена Юрия, также сообщает, что тот занимался с частным преподавателем, немецким коммунистом Бруно [126]. На немецком Юрий в первое время после знакомства разгова-

ривал с ней, со своей будущей женой [127]. Вскоре Юрий освоил родной язык Инги – шведский. Иван Лукьянович в 1939 г. гордо писал о своем сыне: «Юра неизменно культурнее среднего – и даже не очень среднего – зарубежного генерала (из русской эмиграции). Этот мальчишка говорит свободно на двух языках – немецком и шведском, кое-как еще на двух – французском и английском» [128]. После переезда Солоневичей в Аргентину Юра также выучит испанский, а к концу жизни в общей сложности будет говорить на семи языках (считая русский): «Yura, with his knack for quick-picking up languages in no time – he speaks *seven of them*» [129].

Выводы

Таким образом, семья Солоневича была лингвистически одаренной, жена и сын знали много языков и постоянно ими пользовались, так что Иван Лукьянович, даже если и владел меньшим количеством иностранных языков, чем домочадцы, постоянно находился в среде, в которой так или иначе иностранные языки слышал, мог обладать отрывочными знаниями об испанском, финском, шведском, болгарском и других языках. Более того, для Солоневича характерна языковая любознательность, что ярко проявилось в его записках о Памире. Кроме того, можно сказать об общей черте стиля Солоневича, касающейся употребления иностранных языков: это склонность к построению языкового «калейдоскопа», в котором переплетаются латинский и французский языки, немецкое (в двух изводах – коммунистическом и национал-социалистическом) и советское словоупотребления: «Сказать *urbi et orbi*: извините, ситуайены, товарищи, геноссе и камерады, наш фокус не удался, наша теория оказалась не тово...» [130].

Примечания

[1] Лукьянова Л. М. Нетранслитерированные латинизмы у Александра Солженицына // Аристей. – 2015. – Т. XII. – С. 362–365.

[2] Воронин И. П. Гражданин Империи Иван Солоневич / Игорь Воронин. – [б. м.]: Издательские решения, 2020. – С. 30.

[3] Там же, с. 43–44.

[4] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 419.

- [5] Там же, с. 418.
- [6] Там же, с. 419.
- [7] Там же, с. 417.
- [8] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 411.
- [9] Старыя традыцыі // С’веро-Западная Жызнь. – 1913. – № 35.
- [10] «Русская точка зрѣнія» // С’веро-Западная Жызнь. – 1912. – № 284.
- [11] Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во «Алгоритм», изд-во «БСК», 2007. – С. 18.
- [12] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 246.
- [13] Там же, с. 522.
- [14] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 52.
- [15] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 19.
- [16] Солоневич И. Л. Социализм, его пророчества и их реализация. – М.: Издательство М. Б. Смолина (ФИБ), 2019. – С. 195.
- [17] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 474.
- [18] Воронин И. П. Гражданин Империи Иван Солоневич / Игорь Воронин. – [б. м.]: Издательские решения, 2020. – С. 54.
- [19] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 139.
- [20] Въ деревнѣ // Современные записки. – 1935. – Т. LVIII. – С. 277.
- [21] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 107.
- [22] Там же, с. 131.
- [23] Там же, с. 104.
- [24] Там же, с. 479.
- [25] К воззванию митрополита Стефана // Голос России. – 1938. – № 83.
- [26] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 400.
- [27] Война и деревня // Новое время. – 1915. – № 14248.
- [28] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 21.
- [29] Там же, с. 60.
- [30] Там же, с. 157.

- [31] Въ деревнѣ // Современныя записки. – 1935. – Т. LVIII. – С. 281.
- [32] Ставка на слабыхъ // Сѣверо-Западная Жизнь. – 1912. – № 261.
- [33] Вооруженіе націй // Сѣверо-Западная Жизнь. – 1914. – № 75.
- [34] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 104.
- [35] Там же, с. 74.
- [36] Там же, с. 98.
- [37] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 152.
- [38] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 255.
- [39] Там же, с. 257.
- [40] Размышления о карасях и великодержавности // Родина. – 1940. – № 6.
- [41] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 148.
- [42] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 3.
- [43] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 237.
- [44] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 100.
- [45] Там же, с. 106.
- [46] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 554.
- [47] Послѣ войны. Къ постановкѣ пьесы поручика Гродно «Передъ войной» // Сѣверо-Западная Жизнь. – 1912. – № 290.
- [48] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 453.
- [49] Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во «Алгоритм», изд-во «БСК», 2007. – С. 43.
- [50] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 440.
- [51] «Тамъ, гдѣ прошли Гунны»... // Новое время. – 1917. – № 14892.
- [52] Размышления о карасях и великодержавности // Родина. – 1940. – № 6.
- [53] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 238.
- [54] Социальное обеспечение // Голос России. – 1938. – № 88.

- [55] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 437.
- [56] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 89.
- [57] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 570.
- [58] Немцы о русской революции // Новое время. – 1917. – № 14725.
- [59] Миф о Николае Втором // Наша Страна. 1949. 14 мая; № 18. С. 7.
- [60] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 552.
- [61] Воронин И. П. Гражданин Империи Иван Солоневич / Игорь Воронин. – [б. м.]: Издательские решения, 2020. – С. 418.
- [62] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 50.
- [63] Жребій брошень // Сѣверо-Западная Жизнь. – 1914. – № 162.
- [64] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 135.
- [65] Там же, с. 56.
- [66] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 148.
- [67] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 84.
- [68] Этюды оптимизма // Голос России. – 1937. – № 56.
- [69] Эмиграция в будущей России // Голос России. – 1937. – № 76.
- [70] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 213.
- [71] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 152.
- [72] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 288.
- [73] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 48.
- [74] Годовой баланс // Голос России. – 1938. – № 80.
- [75] По путям иловайским // Родина. – 1940. – № 5.
- [76] Solonevich I. The Long Trek to Solola. – Roanoke: Pocahontas Press, 1986. – P. 64.
- [77] Годовой баланс // Голос России. – 1938. – № 80.
- [78] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 54.

- [79] Solonevich I. The Long Trek to Solola. – Roanoke: Pocahontas Press, 1986. – P. 85.
- [80] Сапожников К. Н. Солоневич / Константин Сапожников. – М.: Молодая гвардия, 2014. – С. 344.
- [81] Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. – 1992. – №12. – С. 155.
- [82] Сапожников К. Н. Солоневич / Константин Сапожников. – М.: Молодая гвардия, 2014. – С. 125.
- [83] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 50.
- [84] Пути, ошибки и итоги // Наша газета. – 1939. – №№ 35–38.
- [85] Солоневич И. Л. По поводу «Народной Монархии» // Наша страна. – 1952. – № 120.
- [86] Спортивное строительство // Физкультура и спорт. – 1928. – № 3.
- [87] От кринолина... к хоккею // Физкультура и спорт. – 1928. – № 10. – С. 17.
- [88] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 49.
- [89] Там же, с. 558.
- [90] Солоневич И. Л. Диктатура импотентов (Социализм, его пророчества и их реализация) / Под ред. Л. М. Суриса. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2017. – С. 35.
- [91] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 101.
- [92] Там же, с. 282.
- [93] Нашего полку прибыло // Голос России. – 1938. – № 80.
- [94] Завоевания // Голос России. – 1938. – № 83.
- [95] Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – Минск: Современная школа, 2011. – С. 253.
- [96] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 236.
- [97] Парламент и собор // Наша Страна. – 1950. – № 40. – С. 2.
- [98] По страницам иностранной печати. Американец о русском золоте // Голос России. – 1938. – № 83.
- [99] Собачьи дела // Физкультура и спорт. – 1928. – № 15. – С. 16.
- [100] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 307.
- [101] Иллюзии и обманы // Голос России. – 1937. – № 75.
- [102] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 255.

[103] Промышленность СССР тяжело больна // Голос России. – 1937. – № 64.

[104] Собачьи дела // Физкультура и спорт. – 1928. – № 15. – С. 16.

[105] Промышленность СССР тяжело больна // Голос России. – 1937. – № 64.

[106] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 255.

[107] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 138.

[108] Там же, с. 4.

[109] Там же, с. 89.

[110] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 291.

[111] Там же, с. 185.

[112] Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во «Алгоритм», изд-во «БСК», 2007. – С. 53.

[113] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 53.

[114] Solonevich I. The Long Trek to Solola. – Roanoke: Pocahontas Press, 1986. – P. 141.

[115] Солоневичъ И. Памиръ. Советскія зарисовки. – Софія: Издательство «Голосъ Россіи», 1938. – С. 60.

[116] Там же, с. 15.

[117] Там же, с. 22.

[118] Солоневич И. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. – С. 136.

[119] Эмиграция в будущей России // Голос России. – 1937. – № 76.

[120] Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 212.

[121] Там же, с. 212.

[122] Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 36–37.

[123] Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. Три года в Берлинском торгпредстве. 1928–1930. – М.: Центрполиграф, 2018. – С. 31.

[124] Иллюзии и обманы // Голос России. – 1937. – № 75.

[125] Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. Три года в Берлинском торгпредстве. 1928–1930. – М.: Центрполиграф, 2018. – С. 164.

[126] Solonevich I. The Long Trek to Solola. – Roanoke: Pocahontas Press, 1986. – P. 60.

[127] Ibid. P. 48.

[128] Сапожников К. Н. Солоневич / Константин Сапожников. – М.: Молодая гвардия, 2014. – С. 299.

[129] Solonevich I. The Long Trek to Solola. – Roanoke: Pocahontas Press, 1986. – P. 64.

[130] Солоневич И. Л. Диктатура импотентов (Социализм, его пророчества и их реализация) / Под ред. Л. М. Суриса. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2017. – С. 55.

Другие публикации авторов по тематике конференции

Воронин И. П. Борис Солоневич, младший брат Ивана // Воспоминания соловецких узников: [1923–1939] / Отв. ред.: иерей В. Умнягин. – Соловки: Спасо-Преобр. Соловец. ставропиг. муж. монастырь, 2014. – [Т. 2]: 1925–1928. – С. 342–355.

Воронин И. П. Борис Солоневич – скаут, спортсмен, публицист, писатель // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XIV Научно-практ. конференции: СПб. 13 ноября 2016 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2017. – С. 1–11.

Воронин И. П. Взрыв 3 февраля 1938 года в редакции газеты «Голос России» // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы IX Научно-практ. конференции: СПб. 10 апреля 2011 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2012. – С. 1–15.

Воронин И. П. Газета «Северо-Западная Жизнь» и идеология «западно-русизма» в начале XX века // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы V Научно-практ. конференции: СПб. 15 апреля 2007 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2008. – С. 5–20.

Воронин И. П. Гражданин Империи: Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. – М.: Изд-во «ФИВ», 2013. – 496 с.

Воронин И. П. Иван Солоневич в годы Гражданской войны // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы VI Научно-практ. конференции: СПб. 13 апреля 2008 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2009. – С. 1–11.

Воронин И. П. Иван Солоневич – журналист, редактор, издатель // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы I Научно-практ. конференции: СПб. 20 апреля 2003 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2004. – С. 5–23. *То же (с незначит. сокр.)* // Наша Страна, Буэнос-Айрес, Аргентина. – 2003. – №№ 2734–2740.

Воронин И. П. Иван Солоневич: новые материалы для политической биографии // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XIII Научно-практ. конференции: СПб. 22 ноября 2015 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2016. – С. 10–19.

Воронин И. П. Иван Солоневич о «еврейском вопросе» // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVII Научно-практ. конференции: СПб. 24 ноября 2019 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2020. – С. 9–17.

Воронин И. П. Иван Солоневич – сотрудник «Нового Времени» // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы IV Научно-практ. конференции: СПб. 9 апреля 2006 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2007. – С. 8–19.

Воронин И. П. Из истории газеты «Голос России» // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы VII Научно-практ. конференции:

СПб. 26 апреля 2009 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2010. – С. 9–24.

Воронин И. П. **«Народная Монархия» – политическое завещание Ивана Солоневича** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы III Научно-практ. конференции: СПб. 24 апреля 2005 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2006. – С. 6–15.

Воронин И. П. **Неизвестные публикации Ивана Солоневича 1917-1918 годов** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XI Научно-практ. конференции: СПб. 24 ноября 2013 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2014. – С. 6–13.

Воронин И. П. **Неизвестный Солоневич: публикации в «Нашей Стране» начала 1970-х годов** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVI Научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2018 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2019. – С. 10–21.

Воронин И. П. **«Олицетворение России и Монархии»: Иван Солоневич о Великом Князе Владимире Кирилловиче** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XV Научно-практ. конференции: СПб. 19 ноября 2017 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2018. – С. 9–15.

Воронин И. П. **Отношение эмигрантской прессы к событиям в СССР накануне Второй мировой войны (по публикациям газеты «Голос России»)** // Эмигрантика/Emigrantica: Периодические издания русского зарубежья: Вопросы источниковедческой критики: Труды международной конференции. – СПб: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2012. – 396–419.

Воронин И. П. **Последние дни жизни И. Л. Солоневича** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы X Научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2012 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2013. – С. 13–21.

Воронин И. П. **«Россия в концлагере»: история одной книги** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II Научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. – С. 8–21. *То же (с незначит. сокр.)* // Наша Страна, Буэнос-Айрес, Аргентина. – 2004. – №№ 2756, 2758, 2760, 2761.

Воронин И. П. **Солоневичи: попытки побега из Советской России** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы VIII Научно-практ. конференции: СПб. 18 апреля 2010 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2011. – С. 4–17.

Воронин И. П. **Эпистолярное наследие Ивана Солоневича** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVIII Научно-практ. конференции: СПб. 22 ноября 2020 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2021. – С. 3–13.

Сорокин А. Ю. **И. Л. Солоневич и И. А. Ильин о правящем слое антибольшевицкой России** // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы VII Научно-практ. конференции: СПб. 26

апреля 2009 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2010. – С. 30–40.

Сорокин А. Ю. И. Л. Солоневич о монархии и народном представительстве // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы I Научно-практ. конференции: СПб. 20 апреля 2003 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2004. – С. 5–23.

Сорокин А. Ю. И. Л. Солоневич о монархии как гарантии от бюрократии // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы V Научно-практ. конференции: СПб. 15 апреля 2007 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2008. – С. 31–42. *То же:* // Монархистъ, СПб. – 2008. – № 64–65; 2009. – № 66–67. *То же:* // Имперец: Циркуляр Верховного Совета РИС-О. – Зима 2008/2009. – № 65. – С. 1–4.

Сорокин А. Ю. Иван Солоневич: за монархию против национальной диктатуры // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVII Научно-практ. конференции: СПб. 24 ноября 2019 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2020. – С. 26–34.

Сорокин А. Ю. Иван Солоневич о причинах Февраля 1917-го // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XIV Научно-практ. конференции: СПб. 13 ноября 2016 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2017. – С. 25–32.

Сорокин А. Ю. Иван Солоневич против НТС // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVI Научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2018 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2019. – С. 32–46.

Сорокин А. Ю. Л. А. Тихомиров и И. Л. Солоневич о народном представительстве в монархическом государстве // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XV Научно-практ. конференции: СПб. 19 ноября 2017 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2018. – С. 19–30.

Сорокин А. Ю. Три «урока» Солоневича. И. Л. Солоневич о проблемах монархического движения // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы X Научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2012 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2013. – С. 30–34.

Сорокин А. Ю. Читая Солоневича: о контурах будущей России // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XI Научно-практ. конференции: СПб. 24 ноября 2013 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2014. – С. 28–35.

Стефанчиков И. В. И. Л. Солоневич и «Наша страна» о правлении Франсиско Франко // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVII Научно-практ. конференции: СПб. 24 ноября 2019 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2020. – С. 35–47.

Стефанчиков И. В. Писательская, издательская, публицистическая деятельность И. Л. Солоневича в Аргентине и Уругвае // Труды молодых ученых. Сборник статей. Выпуск 2 / Под ред. А. А. Липгарта, Ю. Л. Оболенской, А. А. Невокшановой, И. В. Стефанчикова. – М: МАКС Пресс, 2020. – С. 239–254.

Стефанчиков И. В. Специфика испаноязычных текстов в газете И. Л. Солоневича «Наша страна» (Буэнос-Айрес) // Труды молодых ученых. Сборник статей. Выпуск 3 / Под ред. А. А. Липгарта, Ю. Л. Оболенской, А. А. Невокшановой, И. В. Стефанчикова. – М: МАКС Пресс, 2020. – С. 172–184.

Стефанчиков И. В. Тексты на испанском языке в «Нашей стране» (1948-1953 гг.) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVIII Научно-практ. конференции: СПб. 22 ноября 2020 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2021. – С. 14–26.

